

**ЯСМИНА
САПФИР**

**Я ДЛЯ ТЕБЯ ОДНОЙ
ВОСКРЕСНУ**

Ясмина Сапфир

Я для тебя одной воскресну

Серия «Мельранские истории», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67332878

Аннотация

Он – наполовину инопланетянин. Она – человек с уникальными способностями. Он никогда не имел семьи, избегая близких отношений. Она имела все: семью, детей, внуков. И теперь избегает близких отношений, потому что пережила всех, кого любила. Он умирал. А она его воскресила. И теперь им предстоит рискованное задание в инопланетной колонии. Смогут ли они распутать череду преступлений и не запутаться в собственных отношениях?

Текст обновлен и отредактирован.

Содержание

Глава 1. Если все происходит не так, как мы представляем, значит, все так и должно быть	4
Глава 2. Где кажется, что мельранцы и индиго действительно родственные расы	16
Глава 3. Где выясняется, что не все, кого помнишь ты, хотят помнить тебя	30
Глава 4. О том, что мы можем и жалеть, и не жалеть об одном и том же поступке	45
Глава 5. В которой разница между сном и явью удивляет героя	62
Глава 6. В которой героям придется поговорить, но многое останется невысказанным	76
Глава 7. В которой герои наконец-то приступят к обязанностям	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ясмина Сапфир

Я для тебя одной воскресну

Глава 1. Если все происходит не так, как мы представляем, значит, все так и должно быть

Из-за одного лихача воздушная трасса больше походила на поле боя. Машины шарахались над землей, как стая птиц от выстрелов охотника.

Над моим такси пронеслась синяя легковушка. Кабиной вниз. Скрипнул руль. Таксист вцепился в него со всей дури. Переключилось, будто в фантастическом фильме, радио. Громыкнул металл, оборвался, грянул марш. В дверцу уперлась морда красного большегруза. Опустилась пониже, и испуганное лицо водителя оказалось прямо напротив моего. Я вжалась в сиденье. Сердце забилося где-то в горле, свинцовый воздух застрял в груди. Мимо пронесся черный джип. Сверху – серебристая легковушка. Руль заскрежетал. Но таксист справился – мы снова отскочили вбок.

Большегруз продолжал двигаться следом. Мы резко развернулись. И... перед самым носом пролетел красный автомобиль. Повернулся боком, избегая столкновения. Снизу

мелькнула еще кабина. Очередной скрежет руля – и мы пулей вылетели с воздушной трассы. Такси зависло над пустырем. Сзади его обступил частокол черных небоскребов, а со стороны «небесного шоссе» огибала узкая лента наземной дороги.

Большегруз немного замедлился. Но синяя машина, как чертик из табакерки, выскочила прямо на него. Закрутилась, пронеслась перед самым носом черного джипа... И вошла в неуправляемый вираж. Продолжая вращаться, врезалась в белую, что ехала по самому краю трассы...

– Снижайся! Снижайся! – крикнула я водителю, подаваясь вперед.

– Куда? С ума сошла? А если прилетит еще кто? – вспыхнул он.

– Снижайся, сказала! Там человек!

– Ладно, – процедил водитель. – Но если что – сама виновата. И заплатишь...

Такси неторопливо, словно нехотя, спускалось на поросшую редкой травкой дорогу. Колеса медленно коснулись земли, встали на твердую опору... А я... я наблюдала за белой машиной. Руки тряслись, внутри разливался холод, тело колотило от озноба.

Белая машина крутилась в воздухе. Закладывала виражи. Снова и снова. И, наконец, вылетела за пределы воздушной трассы. Врезалась в одно здание, в другое, в третье. Скрикнула и рухнула на пустошь поодаль от трассы. Покатилась,

завертелась и встала на бампер. Задержалась на несколько секунд, покачиваясь, словно былинка на ветру. Грохнулась на колеса, прокатилась еще немного и замерла неподалеку от нас.

Я выудила из кармана сотовый и попыталась набрать номер службы спасения. Руки тряслись, как от озноба. С первой попытки получился нелепый набор цифр. Со второй включился режим фотографирования. Еле отключила. Тыкала-тыкала в виртуальную клавиатуру. И наконец... попала... Но тут упрямый телефон почти выскользнул из ладони. Я начала судорожно перехватывать его, пытаюсь удержать.

– Давай уже, – нервно вырвал телефон водитель.

Молоточки в ушах заглушали басистый голос шофера:

– Да... южная часть двадцатой трассы... нарушитель скрылся в неизвестном направлении... возможно, тяжело пострадали люди...

Все остальное осталось в голове картинками из калейдоскопа...

...Я вышла из машины, оставив водителя считать свои деньги за ожидание, и некоторое время пребывала в ступоре, уставившись в одну точку. На белую машину. Казалось, время остановилось. Но это было не так. Паутина трещин продолжала расползаться по лобовому стеклу. Смятый в гармошку перед машины приоткрыл пасть, и она неприятно задребезжала от порыва ветра. Только водитель не шевелился. Я видела его ауру и понимала, что скорая уже не поможет,

и гибель пострадавшего – дело времени. Водитель лишь наполовину человек, наполовину мельранец – сын инопланетника. Но и он не выживет после таких травм...

Издали завывала сирена, и я вздрогнула, словно немного вернулась в реальность. Обернулась к многолюдной трассе, похожей на полноводную реку, где вместо воды разлиты разноцветные чернила.

Синяя молния машины службы спасения виднелась издали. Ей уступали дорогу, и джип с алыми крестами на дверцах в мгновение ока долетел до нас. Проскользнул над головой, и сел неподалеку от такси. Верное решение. На пустыре ближе к пострадавшему, но отсюда легче взлететь.

Спасатели суетились недолго. Двое здоровенных детей оторвали дверцу рядом с водительским сидением без всяких инструментов. Кажется, она держалась на честном слове. Помятый кусок металла выбросили чуть поодаль и осторожно, фиксируя плечи и шею, вытащили водителя.

Подоспели санитары с носилками. Их холщовая ткань оставалась белой каких-то несколько секунд. Кровь медленно вытекала изо рта молодого мужчины и ран на теле, покрывая свободные части носилок бордово-алыми кляксами и крапинками.

Словно в замедленной съемке наблюдала, как мимо несут пострадавшего. Руки, ноги и туловище полумельранца пересекали порезы – глубокие и не очень. Некоторые открывали на обозрение белесые ленты сухожилий. Из других острыми

пиками торчали сломанные кости. Как ни странно, лицо бедолаги пострадало меньше всего.

Внезапно рука пострадавшего соскользнула с носилок и едва ощутимо коснулась моей. Я вздрогнула: пальцы полумельранца еще хранили тепло.

Пострадавший застонал – очень тихо, надсадно и... открыл глаза. Наши взгляды встретились. Он моргнул, веки закрылись, тело обмякло. Потерял сознание... Но этот взгляд... он решил для меня все.

Я бросилась к худенькой медсестре – она ожидала в машине с капельницей наготове. Сидела на специальной скамейке и почти не шевелилась. Но едва пострадавшего поднесли поближе – ожила в мгновение ока. Пока она осторожно вводила катетер в вену раненого, я запрыгнула в машину. Кроссовки тихо звякнули о металл пола. В нос ударил запах железа и соли. Кровь...

– Что? Вы? Куда? – затараторила медсестра, оглядываясь в поисках коллег. Они вытащили из кабины машины службы спасения красные чемоданчики и заспешили к нам.

Понимая, что времени совсем нет, я принялась городить первое, что пришло в голову.

– Девушка... пожалуйста... Я его любовница. У меня муж... он очень стар... Не могу бросить... Пожалуйста... сообщите, что и как...

Медсестра изучала мое лицо, словно хотела прочесть на нем правду. Вдохнула и вытащила малюсенький розовый

сотовый. Такими можно пользоваться, только увеличивая и экран и клавиатуру виртуально.

– Давайте номер, – бросила она, кивнув в сторону санитаров. Здоровяки в синих футболках и штанах доставали из чемоданчиков какие-то приборы. Наверное, чтобы диагностировать пострадавшего еще по дороге. – Меня зовут Маргарита...

Быстро продиктовала номер и выскочила вон. Теплый ветер обдал с ног до головы, но я задрожала как от лихорадки. Задняя дверца машины беззвучно захлопнулась, и автомобиль взмыло ввысь. А уже спустя минуту растворилось в полноводной реке трассы... Я села в такси и, кивнув счетчику, словно соглашаясь на сумму, едва слышно выдохнула.

– Продолжаем путь...

И потянулись длинные недели...

Каждое утро начиналось со звонка Маргариты. Новости день ото дня становились все неутешительней.

Но я знала это и так. Просто ждала часа икс... Своего часа... Момента, когда смогу воскресить *его*...

* * *

В тот самый день я проснулась в небывалом воодушевлении. Знала, что случится. И чудилось мне, даже солнце светило в окна как-то по-особенному тепло. Согревало и обнадеживало. Ежеминутно я ждала звонка Маргариты. Ожида-

ние коротала за простыми, но порой такими важными житейскими заботами – уборкой, готовкой, мытьем посуды.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда я помещивала борщ. Я обтерла руки о полотенце и приготовилась слушать, заранее зная, о чем пойдет речь. Маргарита говорила тихо, вкрадчиво, будто стеснялась новости, что планировала сообщить:

– Мне очень жаль... мы сделали все, что могли, – тянула она.

Я закусила губу, чтобы не поторопить Маргариту.

– Сегодня в половине двенадцатого его отключат.

Я молчала в трубку, суматошно соображая, как ее попросить. Но Маргарита сделала все за меня.

– Приходите попрощаться. Я проведу, – сказала еще тише. – Четвертый этаж, хирургия. Я буду ждать вас в два часа.

– Но он ведь уже... – Язык не поворачивался договорить.

– Нет, он умрет не сразу. Вы успеете попрощаться – Маргарита отключилась.

Я бросилась вон из квартиры и уже через двадцать минут стояла перед городской больницей.

Вокруг раскинулся нерукотворный парк. Ветер перебирал ветки деревьев, как гитарист – струны. Здесь пахло жизнью – прогретой на солнце хвоей, медовой пылью и росой, хотя она уже почти просохла.

– Ой, вы здесь? – послышался сзади голос Маргариты. – Отлично, я вас лучше черным ходом...

Она потянула меня за рукав. Травяной ковер щекотал лодыжки. Мы обогнули здание больницы, и Маргарита открыла железную, похожую на гаражную, дверь.

Мы взбежали по белой лестнице – такой новой, словно по ней не ступала нога человека. И Маргарита решительно отворила еще одну дверь. Небольшую, деревянную. В лицо так пахло запахом лекарств, что захотелось расчихаться. Маргарита потянула меня за собой, и мы вошли в длинный просторный коридор.

Белые стены словно светились под ослепительными лучами ламп, пол, выложенный теплой кафельной плиткой, шуршал под ногами. Сновали туда-сюда деловитые медсестры и серьезные врачи. Санитары прогрохотали мимо тележкой, накрытой белой простыней. То ли с лекарствами, то ли с аппаратурой для стерилизации.

Маргарита затащила меня в комнату, на двери которой было написано «сестринская».

– Минуточку, – бросила суетливо и юркнула наружу.

Какое-то время я стояла посреди просторной комнаты с двумя серыми диванами и плоским экраном в полстены. За окном пролетела голубая птица с желтым пятном на голове, что-то крикнула в мою сторону и унеслась прочь.

Маргарита вернулась, пряча глаза, и сунула мне в руки белый халат. Я торопливо надела его. Маргарита снова схватила меня за рукав и вывела в коридор. Мы почти пробежали до середины, когда провожатая впихнула меня в палату.

И я... застыла, оцепенела... Похолодела изнутри. Койки уходили вперед ровными рядами. Сколько их? По десять в ряду? Двадцать? На них лежали даже не гуманоиды... тела в коконе трубок. На стенах мигали и пикали приборы. Тихо-тихо, словно боялись нарушить тишину.

Впалые глазницы, худые ладони, острые скулы... пациенты так походили друг на друга...

Полумельранец...

Он единственный был свободен от трубок. Под тонкой белой простыней угадывались очертания когда-то сильного мужского тела. Лицо словно побелили мелом и посыпали серой пудрой.

В горле невесть откуда образовался колючий ком. На глаза навернулись слезы... Но я отогнала сантименты: не время! Закрыла веки и вызвала плазму. Аурный огонь потек по венам – медленно и восхитительно.

Не помню, как подошла, как склонилась над ним. Помню лишь прикосновение к сухим губам... Жестким и неживым. И то, как плазма потекла от меня к полумельранцу, оживляя на считанные часы. Давая шанс на полноценное воскрешение.

Он резко распахнул глаза, и я внутренне сжалась, ожидая, что смертник вгрызется в мою ауру, спасая свою жизнь... Но... Полумельранец вскочил – совершенно обнаженный, неожиданно быстрый, и я поняла, что он хочет совсем другого способа оживления.

На минуту, на секунду мной овладела паника. Я никогда не соглашалась на этот способ воскрешения. Он виделся мне странным и... неправильным. Глядя в налившиеся кровью губы умирающего, на румяное лицо, на его полную готовность безумно хотелось развернуться и убежать. Но... что-то меня остановило. Наверное, этот синий взгляд.

Он подскочил, подхватил меня на руки и тут же вошел. Только полумельранец так легко смог бы заняться сексом стоя, без малейшей опоры. Брал грубо, жадно, немного истерично. Как дикарь, варвар, вбивался до конца, резко выходил и врывался снова. Но неожиданно для меня самой внизу живота собиралось сладкое томление. Мышцы сжимались и разнеживались – все во мне требовало продолжения. По телу шли волны удовольствия.

Он извергся... помедлил и начал прижимать, ласкать, целовать... Я сомлела... потеряла контроль... Я хотела этого мужчину. Впервые в жизни хотела того, с кем и парой слов не перемолвилась.

Он притянул меня – властно, но не жестко. И я запрыгнула сверху. Мы торопливо соединились и принялись двигаться. Теперь полумельранец медленно, с чувством входил до конца. Ненадолго замирал, пока я дрожала от наслаждения, в предвкушении впивалась пальцами в его мощные плечи. Почти с сожалением покидал меня и снова рвался вперед.

И я потеряла ощущение реальности. Тепло и томление, сладкие сокращения, снова тепло и томление. Мурашки и

дрожь оргазма... Больше не существовало ничего...

Ощувив, что дело сделано, еще одна жизнь спасена, я даже не отстранилась, отпрыгнула от своего неожиданного любовника. Он покачнулся, шагнул следом и рухнул как подкошенный. Аура и тело еще должны подстроиться, принять мой огонь.

Не в силах поднять на него глаза, быстро набросила платье, халат и заспешила прочь из отделения. Я почти бежала по широким коридорам. Скорее, наружу, подальше от тех, кто может заметить, признать чужачку.

Больница казалась слишком уж светлой, слишком многолюдной для моей тайной миссии... Еще несколько шагов, еще несколько секунд – и я покину отделение.

Но тут ... дверь одного из кабинетов отворилась, и из нее вышел доктор. Сердце ухнуло в пятки, я забыла, как дышать, ватные ноги с трудом передвигались. Но серьезный, понурый врач на секунду задержался, резко развернулся и направился в другую сторону. Я едва сдержала вздох облегчения. Еще не время. Еще немного.

Парадокс! В сети камер слежения моей родной организации, секретной, правительственной было несколько слепых зон. А больницу напичкали видеоаппаратурой, как новенький коробок – спичками. Отовсюду за тобой подсматривали, подслушивали – спасибо громким делам с кражей органов и сотням нелепых, параноидальных обвинений, последовавших за ними. То и дело в разных концах Галактики родствен-

ники погибших людей кричали о том, что тела выпотрошили подчистую, забрали все, что можно пересадить. Судмедэксперты только и занимались, что новыми вскрытиями, хотя ни одно подозрение так и не подтвердилось. Из-за всей этой шумихи сотни устройств слежения в самой обычной городской больнице лишили меня шансов на скачки порталом...

Дверь отделения захлопнулась за спиной. Я понеслась вниз по лестнице под стук молоточков в ушах, будто спасалась от погони. Проскочила мимо вахтера так, что он удивленно выкатил глаза. И только выбежав в тепло солнечного дня, наконец-то вдохнула полной грудью и притормозила.

Уф-ф-ф... Дело сделано.

Я обновила наш со смертью счет. Двести семь ноль в мою пользу.

Глава 2. Где кажется, что мельранцы и индиго действительно родственные расы

Я бродил в потемках, ища ее свет, ее огонь. Лес тянул ко мне когтистые ветви деревьев, словно изломанные в мольбе руки. Они выстреливали из сумеречной полутьмы у самого лица, и я едва успевал уклониться. Плазма мелькала вдалеке крошечным огоньком, как сказочное существо. А то показывалась лишь отчасти. Вдруг вырывался из мглы между деревьями протуберанец ее волос. Или тонкие, подсвеченные оранжевым пальцы гладили, перебирали еловые лапы. Я оглядывался, видел ее и снова терял. Лес подставлял мне подножки – поваленные деревья так и норовили сделать подсечку, корни – зацепить босые стопы, опутать. Лес прятал ее, а я стремился найти.

Но внезапно наверху, словно больничная лампа со знакомым мерным гудением зажглась Луна. Белая-белая, полная, она поплыла по черному небу без единой звезды и замигала – то погасая, то вспыхивая. Серебряный свет пролился на лес, вырвав из сумрака ветки деревьев, листья, даже сосновые иголки. Но этого Луне показалось мало. Света становилось все больше и больше. Он заполнял мир вокруг, как заливает вода скальные пустоты под морем. Я утонул в свете и

неожиданно для себя самого открыл глаза.

* * *

Тик-тик-тик. Едва различимый звук больше не раздражал, как прежде. Напротив, послужил надежным якорем, по кускам возвращая мне реальность. По телу разливалось приятное тепло – тепло жизни. И я впервые за последний месяц ощутил себя полностью. Каждую мышцу, каждый клочок кожи, боль, щекотку, движения. Я чувствовал себя, владел своим телом. Боже! Какое счастье снова владеть своим телом! Я запрыгал бы на месте, если бы не боялся слишком сильно пошевелиться и потерять то, что обрел. Закричал бы что есть мочи, если бы не боялся, что меня примут за ненормального и отправят в психушку. Я убежал бы со всех ног, если бы не забыл как это – бегать.

Противный запах лекарств, едкий – дезинфектора ударил в нос со страшной силой. Так и хотелось вытолкнуть их наружу и больше никогда не вдыхать. Надо мной склонился доктор. Молодой, с грустным, вытянутым лицом доктор реанимации – он отключал аппарат. Я запомнил длинные, тонкие «музыкальные» руки и одну лишнюю фалангу на правом мизинце – из-за нее все время чудилось, будто палец сломан. А еще правый карман халата – он частенько маячил перед глазами, пока я умирал здесь, на аппарате. Из кармана неизменно торчала новомодная ручка с чернилами разной види-

мости. Одни сияли в темноте, а на свету лист казался девственно чистым, другие искрились, третьи меняли цвет.

Производители ручек никак не хотели отказываться от старых кормушек, не верили, что от руки давно никто не пишет. Все набирают на виртуальной клавиатуре новомодных компьютеров. Плоских, как лист бумаги, с кучей возможностей и миллионом способов набора текста. Хочешь – пиши, хочешь – начитывай, хочешь – подбирай по словосочетаниям на виртуальном табло. Самые умные передовые и дорогие компьютеры даже читали мысли. Не все и не совсем точно, правильно, но читали и перекладывали в текстовый редактор.

Рядом с реаниматором застыл второй врач – худощавый брюнет с длинными, жилистыми руками. Вены обтягивали их тугими синими веревками, хорошо заметными под тонкой, светлой кожей. Он лечил меня весь этот месяц – пытался из лоскутов мяса, крошева костей, месива внутренних органов собрать человека. Но такое подвластно лишь богу, а он всего лишь врач.

Край белой больничной простыни, до мерзости чистенькой, свеженькой неприятно скреб по подбородку.

Не успел я сообразить, что происходит, хирург, кажется, его звали Михаил, резко наклонился к лицу и пощелкал пальцами у самого носа. Не сильно, но громкий звук гонгом ударил по ушам. Я поморщился.

– Он что, реагирует? – искренне поразился Михаил, и гла-

за его округлились.

– Угу, – кивнул реаниматолог, и лицо его побелело, словно окунулось в муку.

– Ничего не понимаю, – возмутился Михаил, всплеснув руками.

Да, вот так и встречаются врачи тех, кто вернулся с того света. Зачем вы пришли? Мы вас не ждали! Чего надо? Не хотите ли назад? Проводы уже заказаны, патологоанатом подготовил лазерные скальпели, прогрел крематорий.

Сарказм поразил меня самого. Никогда прежде не смеялся над собственными несчастьями, а вот теперь вся ситуация выглядел жутко комичной. Обхохочешься. Эти два эскулапа с умным видом наклонились ко мне, и рассуждали о том, почему пациент скорее жив, чем мертв.

– Хм, – пожал плечами реаниматолог и наконец-то соизволил обратиться к «нему» – к «телу», то есть ко мне.

– Вайлис? Вы меня слышите? Вайлис? Вы помните, кто вы? Где вы? Как вы здесь очутились? – засыпал вопросами Михаил.

– П-помню. – Голос звучал чисто и даже заметно мелодичней, чем прежде.

– Говорите, – заинтересовался Михаил и присел рядом на кровать. Тут же с другой стороны устроился реаниматолог. Больничная койка заворчала противным скрипом – на троих ее не рассчитывали.

Пришпиленный к карману реаниматолога бейджик сооб-

шал: «Илья Дерезин, старший врач реанимации».

Надо же! Очнувшись в больнице после аварии, я не смог прочесть его, как бы близко ни наклонялся врач. Буквы расплзались в уродливые иероглифы, жирными кляксами плыли перед глазами. А теперь я видел четче, чем когда бы то ни было. Не только буквы, но и крошечную точку, что ошибочно затесалась в углу таблички, малюсенькую складку сбоку – скорее всего, заводской брак.

А еще я видел родинки – много родинок на лице и шее Ильи Дерезина и еще больше – веснушек. Отчетливо рассмотрел три шрама на щеке Михаила. Они шли один за другим, словно кто-то или он сам ногтями сдирал кожу.

В меня вонзились два взгляда – серо-голубой Ильи и темно-карий Михаила. Чудеса! Я заметил несколько зеленых крапинок в левом глазу реаниматолога, не больше игольного ушка размером.

– Ну говорите же! – потребовал Михаил, хмуря густые черные брови и нервно пригладив ершик черных волос.

– Что говорить-то? – растерялся я и сел.

– Осторожно! – заволновался Илья, придерживая меня за плечи. – Голова закружится.

Я повертел головой из стороны в сторону, отметив несколько неподвижных тел вокруг. Они, словно диковинные пауки, лежали, опутанные трубками. Приборы жизнеобеспечения мигали разноцветными огоньками, мониторы выводили какие-то кривые и заунывно пикали.

Пик-пик-пик.

Голова не кружилась совсем, сознание было на диво ясным, мысли – быстрыми, четкими.

– Кто это? – Михаил сунул мне под нос голографический паспорт.

Из картинки выплыло изображение мужчины лет двадцати восьми, тридцати максимум. Повертелось перед самым моим носом, показалось в профиль, фас, сзади. Скуластый, высоколобый, наверняка тот еще упрямец. Со слишком пухлыми губами, но, на его счастье, не женственными. С тяжелой челюстью и внимательным взглядом темно-голубых глаз. Его светло-русые волосы стягивала в низкий хвост резинка. Крепкой фигуре не хватало нарочитой рельефности качков, чтобы выглядеть эффектней. Но сила в ней ощущалась немалая – не человеческая, другая сила. Господи! Да это же я! Это же мой паспорт!

Даже странно, насколько чужеродным, не моим казалось собственное лицо.

– Это я, – протянул, понимая, что врачи именно этого и ждут.

– Вы... – начал Михаил и покрутил рукой, предлагая «расширить» ответ.

– Вайлис Рамс. Наполовину человек, наполовину мельраец. Четыреста сорок шесть лет. Гражданин единого европейского государства. Сотрудник агентства по улаживанию чрезвычайных ситуаций в человеческих колониях на чужих

планетах. На населенных другими разумными расами планетах. Коротко АУЧС, – отчеканил я без запинки. Михаил приподнял брови, Илья потрясенно покачал головой. – В последний раз летал на Лейлию. Это планета созвездия Оккии, заселена людьми лет сто назад. Колония неплохо поживает, только пресной воды мало, – продолжал рассказывать о своей работе, биографии, с любопытством наблюдая, как меняются лица врачей. Заинтересованность во взглядах перерастала в истинное изумление – приоткрывались рты, хлопали глаза, улыбались губы.

Когда я закончил, Михаил осторожно, понизив голос спросил:

– Про аварию помните?

– Да.

– Как очнулись в больнице?

– Да.

– Меня и доктора Дерезина?

– Да.

– Как мы вчера отключили вам аппарат жизнеобеспечения помните? – вкрадчиво, с оттенком то ли жалости, то ли извинения закончил «пулеметный допрос» Михаил.

– Да, – выпалил, понимая, что совершенно не злюсь на них. Пациент превратился в овощ, за органы работали машины. Врачи дали подопечному месяц, но потом списали в утиль. Все по-честному, все правильно.

Койко-места дóроги, карманы налогоплательщиков не ре-

зиновые, а родственники, похоже, отказались за меня платить. Ничего удивительного, я не в обиде. Когда мы виделись в последний раз? Я не смог точно вспомнить.

Я не был в родном городе лет двести или больше. Рабочая суета, ремонт, обустройство на новой квартире, вечеринки с друзьями и коллегами – все это казалось гораздо важнее, чем навестить родные края. Глупо, некрасиво, но очень современно, до скрипа в зубах современно. Человеческие родственники, что еще знали меня лично, умерли или были дряхлыми стариками. Люди хоть и жили теперь до ста шестидесяти, а то и до двухсот лет, но старели по-прежнему, разве только медленней. Мельранская родня или эмигрировала на родину, за сотни тысяч световых лет от Земли, или забыла обо мне как о страшном сне. Седьмая вода на киселе, никому не нужный, неожиданный полукровка. Сын человеческой женщины, с которой отец, мельранец, собирался лишь развлечься, сбросить гормоны, попробовать экзотики.

Мельранцы – очень похожая на людей древняя раса. Смелые ученые даже предполагали, что именно они некогда населили Землю. Но потеряли связь с родной планетой, смешались с аборигенами и забыли кто они и откуда. Железным аргументом в пользу этой теории считали рождение почти в каждом человеческом поколении сверхлюдей – индиго. Они жили бесконечно долго, будто бы пробуждались древние гены и наделяли индиго удивительными способностями. Таковыми, например, как у Плазмы.

Мельранцы живут до двух тысяч лет. Сколько отмерила судьба мне, еще предстояло выяснить.

* * *

Меня продержали в больнице еще несколько дней. Брали анализы, следили, изучали всеми доступными современной человеческой медицине способами и машинами.

Дождаться не мог выписки. Но дождался.

Когда Михаил жал мне руку и прощался, желая больше никогда не возвращаться к ним, да и вообще в больницы, вопрос сорвался с губ сам собой.

– А Плазма не оставила адреса? Номера?

– Кто-о-о? – длинно поразился Михаил. Прищурился и взгляделся в мое лицо так, будто бы сомневался в рассудке пациента. Точно! Я ведь не знаю настоящего имени незнакомки! Это я прозвал ее Плазмой, мысленно, не помню даже в какой момент.

– Рыжая. Девушка, которая вызывала скорую.

– Хм... – Михаил пожал плечами, и сердце предательски екнуло. – Я ничего об этом не знаю. Насколько нам известно, скорую вызывала милиция. А милицию... кто-то из других водителей.

– Стойте! – ухватился я за соломинку воспоминания. – Но она же была здесь. В тот день, когда меня отключали?

Михаил улыбнулся – усталая улыбка человека, что еже-

часно борется со смертью и проигрывает в неравной борьбе несколько раз в день, осветила его грустное лицо.

– Это все галлюцинации, – заверил он. – Мы ввели вам сильный наркотик, чтобы ушла боль. И вы... м-м-м... умерли без боли.

Помедлил. Стоит ли говорить ему, что умирал я в страшных муках и корчился бы и стонал бы от дикой боли, если бы не паралич? Наверное, не стоит. Что это изменит? Ни для меня, ни для тех, кому еще предстоит пройти через этот ужас, не изменится ничего. Выкарабкался – живи, нет – не лежать же столетья овощем, пока машина выполняет то, что должно делать тело?

– Вы уверены? – Сердце снова екнуло, чувствительно кольнуло. – Ко мне точно никто не приходил? Ну... кроме родственников. Тогда, после отключения?

– Вайлис, – вздохнул Михаил – снова так, словно Вселенная лежала на его плечах. – Реанимация закрыта. Пускают туда только по пропускам. Пропуска к моим пациентам выдают у секретаря моего отделения. Уж я бы точно знал. Без моего разрешения секретарь такой документ никогда не выдаст. Да и после отключения от аппарата до... м-м-м... вскрытия к больным никого не пропускают. Приказ главврача. Были тут случаи... – Он осекся и замолк. Наверняка хотел поведать о тех знаменитых, скандальных делах с кражей органов и тканей.

– Спасибо, наверное, и вправду все это наркотик, – расте-

р्यानно сказал я и вышел из отделения.

Длинный белый коридор реанимации, пол, выложенный плиткой с подогревом, белесые лампы, что заунывно гудят над головой... Все это осталось там, за деревянной дверью – вместе с противными запахами, вместе с днем моей смерти.

Я вырулил в каменный холл, на перекресток. Сзади и спереди шли отделения больницы. Справа только что захлопнулись дверцы лифта, слева предлагала потренировать сердце после долгого лежания лестница. Я свернул туда и слетел по каменным ступеням на первый этаж.

Регистратура мелькнула справа, помахала хвостом очереди посетителей. Смурная женщина средних лет в окошке что-то разъясняла седому мужчине, тыкая пальцем с огромным кольцом то ли в карточку, то ли в карту больницы. Я направился к вертушке. Молодой улыбчивый вахтер в черной форменной одежде с золотистыми клепками кивнул и нажал кнопку. Зеленая стрелка загорелась, стеклянные двери разъехались, и меня встретил солнечный полдень.

Больница разместилась на окраине города, а вокруг раскинулся нерукотворный парк. Когда-то здесь теснили друг друга высокие ряды новостроек, но много позже горожан выселили в широкое кольцо небоскребов. Оно опоясывало центр города, такой же зеленый и цветущий, как и окраины.

Здания снесли быстро. Современные технологии превращали кирпич и камни в пыль, а ее тут же собирали две чудо-машины. Создавали воздушные воронки и всасывали,

как древние пылесосы мусор.

Несколько лет горожане сомневались – будет ли толк от решения властей. Но природа взяла свое, разрешив все споры и сомнения. Свечками потянулись к небу стройные деревья, распушили зеленые веера веток кустарники, густым ковром устлала землю трава. Зазолотились колосья, запестрели яркие полевые цветы, привлекая пчел сладким нектаром. В каменные джунгли из центра и с задворок города приносил ветер медовые, терпкие, огурцовые и пряные ароматы живой природы.

Вдохнув полной грудью, я направился к калитке с длинным шлагбаумом и по дороге едва не сбил с пути нескольких пурпурных бабочек размером с полладони. Под аккомпанемент веселого птичьего гомона я раздумывал – вызвать такси или пройти пешком до нимбусной остановки. Магнитные автобусы, что летали по небу вместе с автомобилями, назвали, должно быть, в честь нимба. Хотя причем тут нимб? Городским властям виднее.

Я вышел из калитки, и прямо под ноги прыгнула белочка. Застыла, сложила лапки на груди, чуть склонила голову вбок и наблюдала глазками-бусинками. Я порылся в карманах, вытащил припрятанные еще с завтрака орешки, сухарики и бросил зверьку. Белочка схватила один, второй, третий и, смешно вихляя хвостиком, убежала подальше – прятать свой маленький клад.

Бз-з-з-з. Бз-з-з-з. Бз-з-з-з.

За месяц я так отвык от звонка мобильного, что не узнал его, не поверил ушам. Бз-з-з-з. Я поставил мобильник на виброзвонки в тот самый день, когда попал в аварию. Чтобы не отвлекаться от насыщенного движения трассы, не угодить в беду. Но угодил все равно. Забавно.

Хорошо, что нынешние аккумуляторы питали технику месяцами. Никаких тебе зарядок через два дня, никакого «синдрома внезапной смерти» телефонов. Хотя... иногда от новых технологий одни хлопоты. Лет сто назад не дозвонился бы до меня шеф, не достал бы. Кстати, а что ему понадобилось?

– Где тебя черти носят? – Элдар Базретдинов открыто и усердно недолюбливал полукровок. Мельранцев не переваривал совершенно. Я и то и другое, оттого и получал за всех сразу.

– Так в больнице лежал. Почти умер. Аппарат отключили. Чудом выжил. Неужели вам не сообщили? – удивился я.

– Мне сообщили, что ты не умер! – язвительно парировал шеф. – Поэтому жду тебя в Центре через два часа. С важнейшим заданием. И чтобы не опаздывал! – Элдар Масгатович цыкнул и отключился.

Что ж, выбор сделан за меня – придется вызывать такси.

Тихая гавань природы ушла на задний фон. Меня вновь захватил вихрь жизни «агента по тарелочкам». Так прозвали нас в далеком прошлом, когда еще бродили по свету легенды, что инопланетяне навещают Землю на летающих тарел-

ках.

Суетливая пчела обогнула меня и помчалась к ближайшему лугу. Вот и мне пора спешить на работу.

Глава 3. Где выясняется, что не все, кого помнишь ты, хотят помнить тебя

Жалобный писк телефона оповестил об SMS. Я бросил взгляд на экран, занимавший не больше половины ладони, и решил не вызывать трехмерное изображение текста. И так понятно – скоро прибудет такси.

Несколько лет назад я установил на сообщения крик какой-то мельранской птицы, наивно предполагая, что он хоть немного мелодичен. Но очень ошибся – мерзкий звук походил на помесь пожарной сирены и скрипа пенопласта по стеклу. Я уже собирался сменить его на что-то более приятное слуху, но неожиданно для самого себя вошел во вкус.

Едва заслышав писк, переходящий в ультразвук, Элдар Масгатович смешно зеленел и возмущенно пыхтел. Кажется, вспоминал, как в недавней экспедиции на Мельрану всю ночь не спал из-за птичьей переклички.

Теперь звук вызывал у меня противоречивые эмоции. Мерзкий и противный до мурашек, он заставлял улыбаться, вспоминая, как кривился начальник, когда мне присылали сообщения.

После SMS показалось лиловое междугороднее такси с серебристыми полосками на дверцах и крыше.

Машина подлетела стремительно, подняла небольшой ветер, и в лицо пахнуло хвойным ароматизатором. По сравнению с запахами природы он казался слишком синтетическим, рафинированным. Такси зависло в паре сантиметров от земли, воздушной волной перебирая высокую траву, и спугнуло божью коровку с подорожника у моих ног. Жучок с тремя черными точками на алых крылышках пронесся мимо самого носа и сел на плечо. Тонированное стекло опустилось, и бодрый брюнет средних лет в зеленой футболке уточнил:

– Вайлис Рамс?

– Да, – кивнул я, и водитель учтиво распахнул дверцу машины. – К главному офису АУЧС.

Я сдул божью коровку с плеча – не нужно ей с нами, пусть летит домой – и разместился рядом с шофером. Такси взмыло в небо, легче и быстрее иного вертолета времен моей юности, суетливо шараясь в сторону стайки птиц.

Остался позади голубой кристалл озера в рамке высоких камышей.

Двадцать минут – и мы пронеслись над стеной техногенных джунглей. Так прозвали каменную стену, высотой в триста этажей, она отгораживала жилые кварталы от царства дикой природы.

За стеной трехметровой толщины мир менялся до неузнаваемости.

Вместо свечек сосен и кипарисов, косматых дубов и гра-

циозных берез ввысь тянулись колоссы небоскребов из камня, металла и пластика, усыпанные солнечными батареями, как новогодняя елка – игрушками. Они щедро отражали ослепительные лучи дневного светила. Пестрый луговой ковер сменяли булыжные мостовые приглушенных пастельных тонов с геометрическим рисунком. Похожие на пышные букеты кустарники замещали невысокие пристройки кафе, ресторанов, клубов и офисов.

Редкие трели пернатых заглушало жужжание машин, что обслуживали квартиры и офисы. И лишь победоносный свист ветра, что стремглав мчался сквозь лабиринт каменных джунглей, перекрывал такие привычные звуки цивилизации.

Свежий воздух с огуречными, медовыми, пряными нотками уступил место удушливому городскому, переполненному другими, не природными запахами. И они были не столь уж и неприятными.

Из ближайшего кафе пахло жареным мясом и картошкой, и желудок сжался, напомнив об обеденном времени недовольным урчанием. Концентрированные запахи садовых цветов и свежескошенной травы из офисных и квартирных ароматизаторов защекотали ноздри. Мы обогнули один из черных небоскребов, похожий на цилиндр с сотнями очков-окон, и на долю секунды в машину просочился запах домашних блинчиков. Желудок вновь предательски заурчал в предвкушении. И я твердо решил, что, получив задание,

первым делом загляну в офисную столовую.

Такси выписывало залихватские выражи, огибая небоскребы, и уступая дорогу другим автомобилям. Машины, словно рой назойливых насекомых, вились между стройными рядами фонарей. Те же, длинные, тонкие, с шестью бутонами плафонов напротив каждого этажа здания, походили на гигантские, тусклые цветы.

Синий пятиэтажный офис АУЧС пристроился к голубому небоскребу с черными ажурными балконами. Собранные из тончайших металлических кружев, они немного напоминали изысканную архитектуру далеких веков.

Здания центрального кольца жилых кварталов, фонари, мощеные тротуары и дороги были выдержаны в синей гамме. Тонированные окна спасали глаза жителей от бликов солнечных батарей.

Такси село под черным пластиковым козырьком офиса без единого опознавательного знака или вывески. Так нашему начальству виделась особая секретность службы и ее базы. Хотя, на мой взгляд, именно полным отсутствием малейшего намека на владельца пристройка и привлекала особенное внимание.

Со мной соглашались случайные прохожие. Каждый, кто проходил мимо, ненадолго задерживался и с любопытством оглядывал офис. Ладно еще его спрятали от посторонних глаз во дворе четырех небоскребов. Два близнеца-цилиндра надежно отгораживали пристройку АУЧС от главных пеше-

ходных улиц.

– Сто условок, – с дежурной улыбкой сообщил шофер.

Я отдал ему пластиковую карту с треть ладони размером – уже лет сто никак не перейду на платежные браслеты, брелоки, кольца. Хорошо, что кассовые аппараты такси, магазинов, ресторанов все еще позволяли расплачиваться даже таким антиквариатом. Черная машинка, похожая на шкатулку, жадно всосала ее. Обнаружив нужную сумму, радостно пикнула, предложив мне подтвердить принадлежность денег моим ДНК. Я приложил палец к серебристому прямоугольнику на крышке шкатулки. Машинка снова пикнула, высушила карточку, как язык, и следом выплюнула чек.

– Благодарим за то, что воспользовались услугами нашего такси, – протараторил заученную фразу водитель. – Всегда рады видеть вас снова.

– Пожалуйста, – буркнул я в ответ и поспешил на работу.

По сравнению с соседями – конторами и ресторанами на первых этажах небоскребов – наш офис выглядел до ужаса скромно. На всех стенах и углах ближайших пристроек переливались сотни лампочек, над входом светились пестрые вывески. Даже детский живой уголок перещеголял нас ярко-изумрудной надписью над входом – каждую букву окаймлял сплошной ряд фонариков. Только ярко-желтые трехмерные цифры из электронных часов у самого козырька АУЧС тщетно пытались соответствовать броскому сиянию соседских украшений.

Без трех минут два.

Что-то непонятное, мимолетное отвлекло меня. Казалось, мимо уха просвистела муха, сердце тревожно екнуло, в животе пробежал холодок. Но когда я огляделся, ровным счетом ничего не увидел. Хм... Странно...

Стеклянные двери открылись – считали ДНК на расстоянии, – и я двинулся к лифту. В продвинутых офисах и жилых домах уже сотни лет не было ни охранников, ни домофонов, ни звонков. Где-то под козырьком подъезда прятался от посторонних глаз прибор, хранящий генный код владельцев квартир и сотрудников учреждений. Двери открывались только для них, всем остальным пришлось бы ломиться сквозь пуленепробиваемое, жаростойкое стекло. Оно выдерживало плазменный поток, лазерный луч и даже взрывную волну небольшой бомбы.

Фраза «мой дом – моя крепость» для богатеев и среднего класса звучала гораздо меньшей аллегорией, чем прежде. Еще больше она подходила для офисов правительственных учреждений и богатых компаний.

В холле царила пустота. Неудивительно – большинство коллег в командировках в дальних уголках Галактики. В смутные политические времена мы почти не сидели на родной планете, залетая домой, только чтобы подготовиться к очередной поездке. А нынче как раз выдался непростой для Галактического Союза год – бесконечные столкновения землян и талькаирсов пошатнули хрупкий мир. Мы планирова-

ли первыми заселить две планеты с замечательными условиями для жизни – Муританну и Паллингру. Но по несчастливому стечению обстоятельств краснокожие гуманоиды с Талькаирсы высадились на Муританне в тот же день. И все бы ничего: в последние столетия соседство колоний разных рас на недавно открытых обитаемых планетах вовсе не редкость. Но поселенцы не поделили самую удобную и безопасную равнину Муританны. Горная гряда окружила ее коронной, надежно защищая от природных бедствий и чужеземных нашествий. Лишь узкий перешеек невысокого холма соединял маленький цветущий рай с внешним миром.

Наши правительства до сих пор ломали копья и головы на нескончаемых переговорах. Каждая раса желала отвоевать равнину для себя и выселить другую за забор скал. Охлаждение некогда теплых отношений между землянами и талькаирсами докатилось и до колоний на других планетах. И, конечно же, коллеги разлетелись по ним, наводя порядок и расследуя межрасовые преступления.

Пока я ждал лифта, мимо прошло только двое агентов. Едва знакомые друг с другом, мы обменялись формальными приветствиями и кивками. Эхо голосов полетело по громадному холлу – в дни общих собраний он легко вмещал больше тысячи человек.

Лифт доставил меня на четвертый этаж, и распахнул двери перед родным муравейником агентских кабинетов. От круглого холла по центру лучами расходились коридоры. И в

каждом скучились десятки непрозрачных пластиковых дверей в рабочие помещения. Только один кабинет расположился прямо напротив лифта, в самом холле. Туда-то я и держал путь.

Если Элдар Масгатович вызывал сам, мы входили без стука. Так поступил я и сейчас и... застыл на пороге, пораженный до глубины души.

Плазма сидела напротив шефа, и ее золотисто-карие глаза с поволокой смотрели на меня совсем не так, как в палате. Заинтересованно, но холодно и отстраненно.

Красивое личико, с детскими чертами словно окаменело. Длинный рыжий хвост пролился на спинку черного кожаного кресла, как лава из жерла вулкана. Тонкие, как любят иногда говорить, музыкальные ладони свободно свисали с подлокотников. Узкие серые брюки облегали стройные ноги, голубая блузка подчеркивала грудь и талию.

Сердце тревожно забилося, в голове запоздало заметались сотни мыслей. Так это было не видение! Прощание с Михаилом почти убедило меня в обратном. А если и не убедило, то посеяло серьезные сомнения. Но она настоящая, живая! Это точно она!

Я запомнил крохотный треугольник шрама на лбу Плазмы – он выделялся даже тогда, когда она запылала. Запомнил две родинки: одну – прямо в центре правого запястья, другую – на среднем пальце левой руки. Запомнил пять, нет, шесть дырок в правом ухе – сейчас в них поблескивали мед-

ные гвоздики.

В полном замешательстве я переминался с ноги на ногу, и Элдар Масгатович недовольно поморщился. Его круглое, привлекательное лицо почти не портили ни массивный, слегка приплюснутый нос, ни слишком уж кустистые брови.

Рядом с бледной Плазмой смуглый шеф казался едва ли не негром. Впечатление усиливал короткий ершик иссиня-черных волос – очень мелких, с благородной проседью у висков. Заметив, что я все еще в ступоре, Элдар Масгатович приподнялся из-за стола. Когда-то он занимался борьбой и до сих пор выглядел весьма внушительно. Небольшой, округлый живот слегка полнил шефа, намекал на возраст, который скрывала молодость лица. Но лишний вес Элдара Масгатовича здорово скрадывали массивные плечи и руки. При каждом мимолетном движении казалось, что бугры мышц вот-вот порвут тонкую белую рубашку.

Сам не знаю почему, но смутное волнение охватило меня – сердце забилося быстрее, вдохи давались через силу. Я искал взгляд Плазмы, а она изучала собственные ногти – без капли лака, подстриженные, как у ребенка. Отчего-то мне было очень сложно оторваться от нее, переключить внимание на шефа. Странно... Я видел женщин намного красивее и гораздо эффектнее. Но сочетание детских черт лица, гладкой, почти без морщин, кожи – как у всех индиго, – с женственной фигурой и соблазнительными формами пьянило без вина.

– Ты очень долго, Вайлис, – проворчал шеф, и я удивился: почему он так мягок? Распекать подчиненных – с чувством, с толком, с расстановкой – Элдар Масгатович умел как никто другой. И любил, как немногие начальники отделов АУЧС. Агенты выходили из его кабинета, покачиваясь, не в силах вспомнить, что планировали, куда шли, когда вызов на ковер сломал рабочие планы.

Я ждал, что шеф выдаст еще что-нибудь эдакое – возмущенное, гневное, не без оскорбительных ноток, саркастических намеков. Но вместо этого он молча указал мне на кресло в шаге от Плазмы. Волнение окатило удушливым жаром, противную влагу с ладоней так и подмывало вытереть о новые хлопковые брюки. Я купил их в больничном магазинчике за час до выписки, как и невесомую льняную рубашку. На черной ткани мокрые пятна не столь уж и заметны, в конце концов.

Сердце застучало быстрее шагов по гладкому деревянному паркету, тяжелое дыхание не желало выравниваться, предательски выдавало эмоции. Я опустился в черное кожаное кресло, заметив, что наши с Плазмой руки на подлокотниках совсем близко друг к другу.

Заметила и она – резко убрала ладонь и положила ее на рабочий стол Элдара Масгатовича величиной с иной диван. Сквозь прозрачный голубой пластик столешницы проступали нитки водорослей. Раскиданные между ними ракушки, пузырьки воздуха, морские звезды и ежи напоминали об ак-

вариуме, только без рыбок.

– Знакомься, Вайлис, – слишком вежливо начал Элдар Масгатович. Кажется, рисовался перед Плазмой. Даже басовитый голос его звучал особенно певуче: – Наш удаленный агент – Лелейна Милава.

Мне понравилось, как звучит имя Плазмы, как оно перекатывалось на языке тягучей, чистой мелодией. Ле-лей-на-а Ми-ла-ва...

– Можно просто Леля, – ровным, официальным тоном предложила Плазма. Ее звонкий, высокий голос украсил бы не один эстрадный клип. На совершенно бесстрастном лице Лели неожиданно расцвела теплая, дружеская улыбка, в золотистых глазах мелькнули задорные искорки.

– У вас важнейшее задание. Отправитесь на Муританну, – торжественно сообщил шеф. Я не сдержался, удивленно приподнял брови, и Элдар Масгатович довольно ухмыльнулся. – Да-да, Вайлис, вы отправляетесь в самую гущу событий – Шеф усмехнулся еще раз – не столько по-доброму, сколько со своей излюбленной ехидцей. – Вы смените двух других агентов. Ты их не знаешь, – опередил готовый слететь с языка вопрос. – Оба были свидетелями неприятных инцидентов. Поэтому решено отозвать их и прислать кого-то беспристрастного. Отправка завтра в четыре утра из Центрального телекосмопорта. Я лично прослежу, чтобы все было чики-пуки.

– А-а-а подробности не расскажете? – удивился я. Обычно Элдар Масгатович детально посвящал командировочных в проблемы колоний – с именами, фамилиями, явками. Бурно и многословно делился собственными подозрениями. И вдруг такое многозначительное молчание, такой минимум информации.

– Подробности слишком щекотливы для всех сторон, – понизил голос Элдар Масгатович. – Узнаете на корабле. Там приватные записи. Устройте киносеанс в тайной комнате. Звуко, свето и всего-всего непроницаемой. В общем! Место встречи – Центральный телекосмопорт. Номер пути – двадцать. Кроме вас на корабле только шесть биоботов. Обслуга. Все понятно? Или повторить? – Шеф перевел на меня взгляд – в нем, как и в его словах, читалась недвусмысленная издевка. Одна бровь заломилась, губы растянула кривая ухмылка. Не сдержался Элдар Масгатович, выпустил-таки отношение к полукровкам и мельрандцам на волю.

Плазма кивнула и, прежде чем я успел обронить хоть слово, дернуться с места, выскользнула из кабинета. Не убежала, но ушла так стремительно, быстро, что я снова растерялся.

– Мне все понятно, – бросил шефу и рванул следом за Лелей.

Я выскочил в круглый холл и потрясенно огляделся – Плазмы и след простыл. Над лифтом мигала стрелка вверх и номер пятого этажа – значит, она ушла пешком. Я метнулся

к лестнице и вмиг оставил за собой все восемь проемов. Но ни впереди, ни в холле первого этажа Лели не обнаружилось.

Казалось, она прошла кротовой норой, как новейшие корабли телекосмопорта. В открытом космосе они проводили ничтожно малое время. Ныряли из одной кротовой норы в другую и за неделю пересекали Галактику вдоль и поперек.

Сам не понимая почему, я вдруг поставил себе задачей догнать Лелю. Бросился к офисным дверям и пулей вылетел наружу.

Дневной двор приветствовал тишиной и покоем. Дети и подростки в школе, молодежь – в академиях, университетах и ПТУ, взрослые – на работе. На деревянных лавочках у подъездов кормили голубей несколько бабушек. Три молодые женщины с колясками о чем-то очень тихо переговаривались невдалеке от газона с огромными оранжевыми гербе-рами.

Еще пара десятков мамочек зорко следили за чадами на просторной детской площадке. Ребята постарше с восторженными визгами катались с горки, прыгали внутри комнаты-батута в форме дракона, лазили по турникам, качались на качелях. Малышня возилась в песочнице, где легко улеглись бы с десятков взрослых.

Ветер бросил в лицо запах жареной картошки, и желудок возмутился невниманием хозяина. Тем, что встретив Плазму, он совсем позабыл о недавнем чувстве голода. Но куда же она все-таки запропастилась? Неужели успела выскочить

на центральную улицу? Тогда погоня бесполезна.

Там поджидают клиентов, зависнув в нескольких сантиметрах над землей, десятки такси. Она уже могла уже улететь в другой конец города или за его окраины. Из груди вырвался невольный вздох. Я пожал плечами, сам себе удивляясь, и прислушался к желудку. В самом деле, чего это я? Пойду-ка пообедаю. Никуда не денется Леля, завтра как миленькая прилетит в космотелепорт. И как минимум на двое суток мы останемся единственными пассажирами транспортника. Больше того! Нам обоим нужно будет ознакомиться с причиной командировки в одной и той же суперзащищенной от всего комнате.

Эти мысли удивительным образом придали мне сил, бодрости и оптимизма.

Я расправил плечи, вдохнул поглубже и шагнул к ближайшему кафе. Обедать в офисной столовой резко расхотелось. Мысли о встрече с приятелями из АУЧС, как ни странно, не приносили приятных минут. Я вдруг понял, что до ужаса сторонюсь расспросов о том, как ухитрился выжить с переломами костей, с травмами всех органов, с множественными сотрясениями мозга. И еще больше чураюсь расспросов об аварии, о том, как все случилось. Обед в обществе малоизвестных агентов, обмен официальными фразами и обязательными пожеланиями приятного аппетита привлекал еще меньше.

И я решительно дернул длинную вертикальную ручку ре-

сторанной двери с многообещающим названием «Сказочная трапеза». Знакомые агенты неплохо о нем отзывались, рекламировали кухни разных стран мира, советовали как-нибудь попробовать. И вот это «как-нибудь» наступило.

Глава 4. О том, что мы можем и жалеть, и не жалеть об одном и том же поступке

День не заладился с самого начала. Как всегда в промежутках между командировками, я проснулась поздно, ближе к половине двенадцатого. Пока привела себя в чувство, умылась, оделась, стукнуло почти полпервого... Я отправилась на кухню, заваривать чай, собираясь закончить отчеты за завтраком. В агентстве по тарелочкам бюрократия цвела ничуть не менее пышным цветом, чем в любой другой правительственной конторе.

Пухлый красный чайник закипел и выплюнул облачко пара. Я залила горячей водой заварочный – белый, щекастый, словно созданный для большой семьи. Люблю хороший чай. На просторной кухне под него отводился целый мини-шкафчик. Много столетий назад мы с мужем неизменно встречали гостей крепким, ароматным напитком. И друзья поражались: никогда не пили столько жидкости, а тут...

Летний день за окном развлекался тем, что запускал солнечных зайчиков на пол. Они носились по бежевому паркету из искусственного дерева, бросались под ноги. Напротив моего трехсотого этажа величаво плыли облачные корабли, позолоченные лучами.

Только налила себе чаю, меня позвал другой индиго – Заллис. Мы общались на расстоянии, мысленно, и почти не встречались лично. Как и с большинством сородичей с тех пор, как открылся дар. Кажется, я получила его лет в шестьдесят или около того.

Индиго воспринимают не только информацию, что летит сквозь пространство из мозга в мозг, как сообщение по интернету, но и чувствуют эмоции собеседника, а иногда могут даже на мгновение увидеть его – смутно, неярко словно карандашный набросок, почти без штриховки.

– Леля? – Слишком высокий для мужчины голос вздрагивал, срывался. – Мне нужна помощь.

Я сразу поняла, что дело безнадежное.

– Оживи... брата. Пожалуйста... – Заллис всхлипнул – очень тихо, но я услышала. – Несчастный случай. Он же пожарный...

Эх! Давно надо было полностью заменить живых пожарных биоботами. Пока власти считали, что целиком перекладывать жизненно-важную для людей работу на полумашинны опасно, гибли невинные.

Я знала, что новость расстроит Заллиса, но... деваться некуда. Уж если обрубать хвост, то целиком, а не по частям. Я отпила чаю для храбрости и отставила большую белую чашку на желтый, щербатый пластик стола.

– Прости. Не могу. Никак не могу, – проронила, не скрывая досады.

– Недавно оживляла? – выдохнул Заллис. Вопрос был риторическим, но он все равно его задал. – Когда? Ты же можешь раз в год или даже чаще?

– Чуть больше двух недель назад, – через силу пояснила. – Но нас ведь четверо. На Земле-то. Ну воскрешателей, – заторопилась с предложением. – Шестеро на Галактику. Попробуй достучаться до остальных.

– Попробую. Извини, что побеспокоил, – Он отключился прежде, чем я успела сказать хоть слово в утешение. Ну и правильно! Надо спешить, искать других индиго, как я, а не языками чесать.

Дон-н-н... Дон-н-н... Дон-н-н...

Колокольный звон вызова по сотовому заставил вздрогнуть. Я схватила старенький телефон – почти с ладонь размером. И к самому лицу выстрелило трехмерное изображение номера Элдара Масгатовича.

Сердце тревожно екнуло, словно предвещало беду.

Я присела в свое любимое кухонное кресло – мягкая, бархатистая обивка помогла расслабиться, унять беспокойство. Сложила ноги по-турецки, глотнула еще чаю и только потом приняла вызов.

– Леля, приезжай в офис. К часу или к полвторого, – без прелюдий изрек шеф. Его грубоватый голос, как обычно, звучал нарочито спокойно, вежливо. Элдар Масгатович относился к индиго с благоговейным трепетом.

– Хорошо, – ответила я. – Только отчеты еще не готовы.

– Плюнь на отчеты. Есть срочное дело. Жду. – И второй раз за утро собеседник отключился прежде, чем успела ответить.

Что-то будет...

Я метнула взгляд в окно. Три машины пролетели где-то на уровне двухсотых этажей, на глазах сбавляя скорость. Резко снизились и пошли на посадку во дворе. Ветер занес на кухню запах пережаренных гренок и одуванчиковый пух.

Такси! Надо вызвать заранее. Днем в моем направлении жуткие пробки.

Словно очнувшись от оцепенения, я заказала машину и рванула в кабинет...

* * *

Рабочая комната была точной копией той, что много столетий назад делили мы с мужем. Покупая квартиру, я смерила ее десятью шагами – вдоль и поперек. Черная шеренга пластиковых шкафов-солдатики за спиной почти не отнимала пространства, но вмещала все, что нужно для работы и отдыха. Начиная от книг, инструментов, аккумуляторов и заканчивая сотнями полезных в хозяйстве вещей.

Я полюбила шкафы-солдатики после рождения сынишки. Они отлично запирались на магнитные замки, и вскоре туда переселилось все, до чего дотягивались маленькие ручки. Батарейки, зарядники для телефонов, сами телефоны,

лекарства и куча другой, опасной для детей мелочовки. А все, что не умещалось внутрь, громоздилось сверху. Красная ванночка для грудничков с исцарапанными игрушками краями пролежала на шкафу-солдатике почти год. Мы отдали ее соседям для их первенца. Тоже красная поляна для малыша с улиткой-зеркальцем и смешной обезьянкой на пружине продержалась на год дольше. Но потом перешла в наследство подругинуому сынишке.

По старинке отстукивая пальцами по клавиатуре, я принялась перебрасывать все отчеты на флешку. Все, что успела подготовить – чуть больше половины. Реальными кнопками давно никто не пользовался. Я раздобыла этот антиквариат с огромным трудом – заказала в специальном магазине и ждала месяца три, пока соберут и доставят. Нынче все работали на трехмерной виртуальной клавиатуре – она пришла на смену сенсорным экранам. Надоело людям стирать жирные пятна, опечатки пальцев с новомодных тонких, как лист бумаги, мониторов. И все вернулось на круги своя. Зачем мне потребовалась пластиковая клавиатура? Сама не знаю. Приятно было ощущать под руками настоящие кнопки. Не утопать пальцами в трехмерных фантомах, а чувствовать, как они вдавливаются, как сопротивляются нажиму.

Десятки страниц перекочевали на флешку. Теперь их делали не больше пол-ногтя в ширину, плоскими, как картонка. Я сунула флешку в карман и в ожидании такси, принялась бездумно листать новости в галанете – межгалактиче-

ском интернете.

Внутри поднималась паника, больно колола сердце, сбивала дыхание. Вызов к Элдару Масгатовичу насторожил не на шутку. Я никогда не работала в центральном офисе, да и навевывалась туда считанные разы за столетия безупречной службы.

Должность «удаленного агента» меня более чем устраивала. Не требовалось встречаться с коллегами, создавать видимость общения, пропускать через себя приятную суету чужих жизней – рассказы о детях, любимых, друзьях.

Ох уж мне все эти обеденные чаепития с именными кружками, печеньем из магазинчика рядом с офисом и задушевной болтовней вприкуску... Дежурные вопросы вначале рабочего дня: как жизнь, как дела, как домашние? Они выводили из себя, лишали самообладания.

Когда-то и мне было чем поделиться, чем похвастаться. Давно, много-много столетий назад. А потом... потом я всех потеряла. Они ушли один за другим, оставив мне лишь крошечные осколки своих жизней, маленькие сувениры на память. Я заперла их в ящике письменного стола, как в сейфе, и никогда никому не показывала.

Там, в отдельной пластиковой коробочке, лежала беленькая бирка с ручки сына – ее надели малышу в роддоме. На тонком, дорогом пластике чернела надпись: «Мальчик, 3,6 кг. Доношенный». Рядом в точно таком же крошечном прозрачном мавзолее хранилась ириска «кис-кис». Дочка

почти не ела сладкое, только эти конфеты и любила. Я нашла ириску в ее детском платьице, когда разбирала старые вещи, убранные в коробки на лоджию. Власти осчастливили граждан четырьмя выходными подряд. И мне вздумалось выбросить ненужный хлам, а еще хорошие, почти новые вещи отдать друзьям с детьми, с дачами. И вот я начала складывать сарафанчик и... нащупала в кармане что-то жесткое. Я отдала дочке ириску в шутку – тогда она уже вышла замуж и жила отдельно. А вернулась конфетка ко мне уже при совсем других обстоятельствах.

Я снова набралась духу разобрать вещи. Пришла к дочке домой после ее похорон. Трехкомнатная квартира еще хранила флер духов моей девочки – от запаха свежести и зеленых яблок на глаза навернулись непрошенные слезы. На кресле, аккуратно сложенный, лежал красный клетчатый плед – мой подарок на последний день рождения дочки. У нее стали часто мерзнуть ноги.

Меня словно вела интуиция. Я залезла в черный пластиковый шкаф – он высился в углу гостиной – и среди множества коробочек, пластиковых емкостей с бытовыми мелочовками... обнаружила маленькую шкатулку из бересты. Надпись на ее крышке гласила «капелька везения». Я приоткрыла шкатулку и обомлела. Там лежала ириска, та самая ириска...

Запертый ящик надежно прятал от чужих глаз коробочки с сотнями флешек. Сколько фотографий они хранили? Да

кто ж их знает. Я брала любую, вставляла в компьютер и уходила из реальности.

Вот дочурка, вся такая торжественная и серьезная, выпрямилась на краешке нашего старого белого дивана. Пристроилась совсем рядом с тремя царапинами от колес игрушечной машинки – они небрежными росчерками упирались в поручень. Сынишка в детстве устраивал гонки по мебели, и она еще хранила отпечатки его веселых забав. Напряженная, со сложенными на коленях руками, в белой кофточке и черной юбке-карандаше, моя девочка похожа на молодую учительницу. Немного робкую и невероятно очаровательную.

Рядом, задевая богатырским плечом абажур антикварной желтой лампы – маминого подарка – насупился ее жених. И где только дочка его откопала? Курносый нос-картошка, весь усыпанный веснушками, черный ершик волос на голове, грубые, короткие ладони, нескладная, хотя и крепкая фигура... За дочкой ухаживали такие красавцы. А этот... Что она в нем нашла?

Вот мы танцуем с сыном на его свадьбе, вернее, это он держит меня на руках и кружит, подняв над полом. Вокруг рассыпается в стороны пестрая до рези в глазах толпа гостей – благо громадный светло-голубой зал ресторана позволяет ретироваться подобру-поздорову. А тяжелая хрустальная люстра над головами позвякивает в такт мелодии бусами подвесок.

А вот... муж на балконе отеля, на каком-то морском ку-

порте – сама фотографировала. Капельки крема от загара блестят на круглых щеках и курносом носу – опять поленился нормально размазать, голубая бандана смешно съехала набок. Веера пальмовых веток распушились на заднем фоне и тщетно пытались скрыть от любопытных глаз лазурную полосу моря в окантовке острых клыков скал.

Но все это осталось там, в прошлом.

А теперь... теперь я не находила сил вытерпеть то, как делились своим счастьем другие. И что еще важнее – не хотела терпеть. Наверное, во мне говорило малодушие. Но что поделать... Все мы не безгрешны.

Работа «на дому» и в командировках стала истинным спасением. Я нуждалась в ней, как утопающий в спасительной соломинке. Чтобы совсем не одичать, не забыть, как общаться с людьми, не забыть какие они – эти люди. Дар и служба позволяли ощущать себя полезной, причастной к чему-то большему, справедливому и нужному. Я не представляла себя без работы, хотя на счета в банке могла безбедно существовать еще уйму времени. Казалось, уйду с должности – и ничего в жизни не останется. Ничего. Пустота.

Дзин-н-н... Дзин-н-н... Дзин-н-н...

Такси. Момент истины.

Пока яркооранжевая машина неслась к цели, я все сильнее накручивала себя, в ужасе пытаюсь угадать – что сделала неверно, чем нагрешила. И чем ближе подлетало такси к знакомому синему офису, тем все отчаянней колотилось сердце,

все труднее становилось нормально мыслить. Когда подошла к кабинету Элдара Масгатовича, меня трясло изнутри. Минуты сменяли друг друга, а я замерла перед белой пластиковой дверью, не в силах справиться с волнением. Оно упорно рвалось наружу – неровным дыханием, дрожью в пальцах.

С огромным трудом совладав с собой, я вошла, морально готовясь к худшему. Но шеф по тарелочкам неожиданно тепло поприветствовал, мигом разрядив атмосферу. Предложил располагаться как дома. Мне надо было еще тогда насторожиться! Уж слишком он старался...

Где была интуиция индиго? Почему не работала?

Я устроилась в кресле у стола Элдара Масгатовича и расслабилась на мягком сидении из натуральной кожи. Начальник позволил прийти в чувство. Не мешал, не торопил. Сел напротив, откинулся на спинку кресла и наблюдал с непроницаемым лицом профессионального агента. Сколько бы ни оттрубил он в кабинете, а былую выучку не пропьешь.

Стоило успокоиться, настроиться на рабочий лад, Элдар Масгатович выпрямился, растянул губы в неестественной улыбке и сообщил, что мне предстоит сменить коллегу на скандальной Муританне. Ничего себе! Задание с подвохом! В груди снова тревожно екнуло, ком в горле не желал сглатываться.

Увы! То были лишь цветочки. Не давая мне опомниться, Элдар Масгатович посерьезнел и предупредил, что мы ждем второго агента. Он будет сопровождать меня в почти навер-

няка провальной командировке. И он очень хорош в скользких делах вроде нашего.

Едва Элдар Масгатович закончил свою речь, вновь откинулся на спинку кресла... в кабинет решительной походкой вошел Вайлис Рамс.

Я встретилась с ним глазами и... похолодела. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди и забьется на полу, словно беспомощная рыба на берегу.

Почти осязаемо ощущая на себе цепкий взгляд матерого агента, его повышенное внимание, я едва дышала.

Он... меня... узнал. В голове воцарился сумбур, мысли путались, ускользали. Как это вообще могло случиться? Это же невозможно! Невероятно! Он не мог узнать меня, не должен был! Но... узнал.

Казалось, земля ушла из-под ног, и там, внизу, разверзлась пропасть, грозя поглотить меня в одно мгновение. А заодно засосать и остальных индиго – тех, кто верил, что я сохраню наш секрет.

Никто, кроме самих индиго, не знает всего о наших способностях. Ни ученые, ни врачи, ни чиновники, что выдают нам особые удостоверения личности, отмечая каждого нового сородича. Каждый из нас уникален, каждый может такое... Разнюхай об этом люди, не видать нам свободы, не видать гражданских прав. Сидели бы в клетках и работали на правительство, когда того требовала ситуация. А то и вовсе пополнили бы список анонимных объектов исследований ка-

кой-нибудь сверхсекретной лаборатории.

Вайлис должен был забыть те мгновения. Так же, как и все остальные оживленные мной люди. Так же, как все воскрешенные даром индиго с огнем в крови – любого из нас. Они же всегда забывают! Ну как же так?

Хлипкая надежда на то, что Вайлис спишет все на видения, на фантазии умирающего мозга, испарилась. Он смотрел на меня такими глазами... Не знаю, как объяснить...

Чудилось, еще секунда – и Вайлис в подробностях расскажет обо всем, что между нами было. Нарисует карту моих родинок, шрамов... эrogenных зон. И только начальник по тарелочкам мешает его откровениям.

Огромным усилием воли я заставила себя расправить плечи, вытянуться струной и сделать вид, что слушаю Элдара Масгатовича. Но его слова терялись, уходили за границы восприятия. Я только и думала, что о Вайлисе, и корила себя на чем свет стоит.

Какая же я дура! Сентиментальная, слезливая дура, не способная мириться с нечаянными, неоправданными смертями. Вообще не способная мириться со смертью.

Надо было тысячу раз подумать, расспросить сородичей – оживляли ли они полумельранцев...

Ну да... все мы сильны... задним умом.

Как же мы сработаемся с Вайлисом, как уживемся бок о бок? Меня до холода в желудке пугала эта перспектива и соблазняла до тепла в животе. Так манит мотылька ослепитель-

ная смерть на раскаленном стекле фонаря. Но я индиго, и я справлюсь. Не девочка-двадцатилетка все же – женщина с длинным прошлым за плечами.

* * *

Я собиралась в дорогу в какой-то странной, до ужаса непривычной лихорадке. Дежурный чемодан не особенно выручил. Я почти разобрала его после предыдущей командировки. Думала, агентство даст небольшую передышку. Всегда давало...

Успокоившись по части сборов, вдруг поняла, что так и не пообедала.

Захватила из холодильника вчерашние блинчики с мясом и решила, пока есть свободная минутка, проштудировать историю конфликта на Муританне. Хотя бы ту ее часть, что разошлась по Союзу благодаря прессе и галанету. Устроилась с перекусом за черным пластиковым столом и откинулась на мягкую спинку кожаного кресла.

Я не особо следила за новостями из скандальной колонии. И вот они посыпались как из рога изобилия. Вычленить нужные, отсеять слухи и сплетни оказалось гораздо сложнее, чем я предполагала.

Все началось с того, что земляне и талькаирсы высадились на одной и той же авнине Муританны – сейчас ее называют Коронованной. Кольцо гор вокруг с почти симметричны-

ми скалистыми пиками, с вкраплениями эрридра – минерала, удивительно похожего на алмаз – и впрямь напоминало изысканную корону.

Несколько недель колонисты тщетно пытались договориться, кто займет райское место, защищенное от природных катастроф и хищников. Правительства Земли и Талькаирсы сражались за авнину на другой, политической арене – более чистой и менее опасной. А тем временем, если верить галанет-версии, ситуация на Муританне накалилась до предела.

Колонисты поделили авнину и строгонастрого запретили инопланетникам заходить на свою территорию. Но спустя несколько недель невдалеке от границы нашли трупы трех молодых землянок.

Зачем девушки так подставлялись? В тот момент я этого не понимала, считала ужасной глупостью. Конечно же, я им сочувствовала, но больше сочувствовала близким погибших... Они потеряли дочерей, сестер из-за неуместной беспечности. Но потом... потом выяснилось, что все происходило совершенно не так.

Через две недели при невыясненных обстоятельствах пропал молодой талькаирец. И по какой-то непонятной никому причине в гибели его тотчас обвинили землян. Инопланетники не нашли ни тела, ни подтверждений тому, что парня убили. Но спустя двое суток по времени Муританны десять талькаирсов зверски избили и бросили умирать четверых землян. На следующий день земляне ворвались в три

дома талькайрсов и расстреляли всех: мужчин, женщин, детей. Вопросы множились в голове, а логики в событиях не добавилось ни на грош.

Почему жертвой пали три семьи? Почему не десять? Почему убили простых талькайрсов, а не руководство поселения? Разве не оно обязано держать всех в узде, наводить порядок?

А хуже всего то, что, в отличие от Вайлиса, я никогда прежде не работала с убийствами. В человеческих колониях вдосталь других преступлений.

Внутри поднималась знакомая горячая волна. Зачем нужны все эти смерти? Кому стало от них легче? Их беспричинность и бессмысленность больно кололи сердце... Внутри росло стойкое ощущение какой-то мистификации.

На следующий день после страшной расправы в поселениях высадились миротворцы с родных планет, границу начали патрулировать круглосуточно.

А спустя еще два дня талькайрсы наткнулись в горах на тело того самого парня, якобы убитого землянами. Похоже, он просто сорвался в ущелье и сломал позвоночник. Но смертельная гонка уже стартовала.

Несмотря на неусыпную охрану границы, на старания властей, спецслужб, наших коллег, люди и талькайрсы продолжали пропадать и обнаруживались уже мертвыми.

Агенты по тарелочкам, сыщики, тайные правительственные следователи изо всех сил пытались найти виновных в

первых смертях. Если верить очевидцам, убийцы носили специальные маскировочные костюмы. Один поселенец даже ухитрился тайно снять мерзавцев на камеру.

Следователям пока не удалось даже установить, принимали участие в расправе обе расы или же только одна. Слишком уж похоже телосложение людей и талькайрсов. Костюмы убийц скрывали лица, особенности фигуры, изменяли рост и комплекцию. Производились и продавались они на обеих планетах – либо в секретных магазинах для спецслужб, либо на черном рынке.

И вроде бы куда уж проще? Проследить покупателя, выйти на заказчика. Но в официальных магазинах клялись, что никому «со стороны» ничего не продавали. Все костюмы были учтены и принадлежали существам, не покидавшим свои планеты. Прошерстили и продавцов с черного рынка. Но и этот след привел в тупик. На черном рынке костюмы не приобретали уже почти столетие.

И во всю эту сумятицу отправили нас с Вайлисом, отозвав одних из самых опытных коллег – они работали в колонии с момента высадки. Так решило даже не руководство агентства по тарелочкам, а Объединенное правительство Земли. Для обсуждения планетарных дел особой важности созывались полномочные представители Азиатского и Европейского государства. И вот этим самым полномочным представителям стрельнуло в голову влить в конфликт «свежую кровь», посмотреть на него «свежим взглядом».

Задание вызывало у меня гораздо меньше восторга и оптимизма, чем у Вайлиса. Хотя, наверное, он убежден, что раскроет преступление и накажет виновных. Если верить досье, ему это удавалось и не один раз.

Я устало вздохнула и выключила компьютер. Но внезапно экран мигнул желтоватым светом, и наружу выстрелила надпись:

«Мы знаем, кто ты. Мы знаем, что ты можешь. Не высовывайся. Или жди беды».

Сердце тревожно екнуло, в ушах застучали молоточки, меня пробила мелкая дрожь. Что это? О чем они?

Я замерла, перечитывая послание, но вдруг оно растворилось в воздухе. Экран почернел, синяя кнопка пуска на клавиатуре погасла. В суматохе я подскочила к компьютеру и хотела загрузить его снова... Но странное безразличие разлилось по телу.

А спустя секунду я уже и не думала о случившемся. Словно кто-то выключил переживания и опасения по этому поводу... Даже странность этого меня не беспокоила.

Глава 5. В которой разница между сном и явью удивляет героя

Я вдруг почти перестал ощущать запахи ресторана – их за-слонил ее аромат. Я не думал о нем в кабинете Элдара Мас-гатовича, не обращал внимания сознательно. Но сейчас даже упоительные запахи свежей еды – солянки, куриного рулета, горячего овощного рагу, будто бы исчезли.

Я жадно втягивал ее аромат – едва уловимый, похожий на смесь ноток мяты и корицы.

Желудок мгновенно перестал урчать и сжиматься. Внима-ние переключилось с горячего обеда на ту, что отодвинула занавеску моей «приватной кабинки» и остановилась напро-тив.

Выгнулась кошкой и прислонилась к столбу из черного пластика, почти неотличимого от мрамора. На четырех та-ких столбах и держались занавески, отделяя нас от людно-го зала ресторана. Я скользнул взглядом по длинной шее Плазмы, прямой спине, резкому переходу между талией и круглыми ягодицами и захлебнулся воздухом. Отметил ко-кетливо приподнятую ножку в красной лодочке на высочен-ной шпильке. Жар и тяжесть прилили к лобку быстрее, чем я успел приласкать взглядом высокую грудь и ложбинку, та-кую заметную в декольте короткого топика.

А взгляд бесцеремонно опускался туда, где обрывался вышитый лиф, открывая наблюдателю идеальный живот и красивый пупок.

Сердце колотилось как сумасшедшее, воздух распирал грудь. Я стиснул Плазму в объятиях и стянул резинку с ее волос. Мне почему-то жутко хотелось освободить их от плена прически, дать волю огненной лаве янтарных прядей. Золотистые глаза Плазмы смотрели без прежней отчужденности, без холода, с лихорадкой желанием. Как же это было здорово!

Вдохновленный и по-глупому восторженный, я опустил руку на бедро Плазмы и поспешно задрал коротенькую юбочку – она едва прикрывала лобок. Жар охватил меня целиком, когда обнаружилось, что на ней нет белья.

Не помню, как расстегнул брюки, как усадил ее на стол и куда подевалась еда. Помню лишь это знакомое ощущение – себя в ней, такой тесной, влажной, возбуждающей. Помню, как впивался ртом в губы Плазмы – мягкие, нежные, как и в первый раз. Помню, как двигался, подгоняя минуту пика, сладостного освобождения. Помню, как дрожал от гнета страсти, от нетерпения. И ее тело вторило, ее руки скользили по спине, а губы обжигали шею и щеку.

Помню, как не мог насытиться Плазмой, как снова и снова обладал ею, будто в первый раз. Изливался и возбуждался все сильнее. Горячка желания не проходила. Но ни с чем несравнимое удовольствие прижимать ее, дрожать от долгожданного освобождения, вдавливаясь сильнее и сильнее, ис-

купало все.

В каком-то тумане, в лихорадке увидел, как распадается здание ресторана. Пф-ф-ф – и стены, потолок, пол разлетаются, как колода карт, кружа в голубом мареве, без верха и низа.

Нас с Плазмой, сплетенных воедино, окутал странный, розоватый туман. Заклубился вокруг, тонкими лентами опутал тела. Но мы так и не расстались. Словно все вдруг стало неважным, отступило перед силой нашей страсти. И мы парили в невесомости, не отрываясь друг от друга, продолжая то отдаляться на мгновения, то жадно стремиться навстречу друг другу.

* * *

Я проснулся – весь мокрый от пота, от собственного семени, едва дыша. Как и каждое утро после воскрешения.

Плазма... Я лежал с закрытыми глазами и думал о ней.

Улыбка сама собой растянула губы, сердце екнуло, и странное ощущение разлилось внутри. Ощущение, что то был не обычный эротический сон, нормальный для здорового мужчины, что уж говорить о полумельранце с его неукротимым либидо. Я чувствовал себя с ней, в ней совсем не так, как привык.

Было что-то до ужаса правильное в том, что мы вместе. Нечто невероятно сильное, незнакомое заставляло меня же-

лать обнять ее и стиснуть даже после того, как стихло возбуждение.

Непривычные новые чувства, эмоции будоражили и сбивали с толку. Я не хотел, чтобы она ушла после секса, чтобы уехала домой. Я фантазировал, как Плазма встанет с постели, потянется, неспешно подойдет к окну и, распахнув шторы, поприветствует новое утро. Воображал, как она примет душ, и такая еще влажная, теплая вернется в спальню, обнимет, неловко чмокнет в щеку. А потом вдруг разулыбается, оденется и придет к завтраку.

Я не загадывал, как с прежними любовницами, хороший она кулинар или плохой, сварганит приличное блюдо или его придется заказывать. Достаточно того, что я сам неплохо готовлю, да и хороший ресторан доставит все, что пожелаешь, за десять-пятнадцать минут.

Мысли пронеслись в голове, и улыбка растянула губы шире.

Я нехотя распахнул глаза, и розовые флаги рассвета у горизонта разбудили окончательно. С моего четыреста пятого этажа городская граница, лес и горизонт были видны как на ладони.

Туманная, мечтательная дрема разом схлынула, уступив дневной суете. Я вскочил с постели и бросился в душ. Настенные трехмерные часы упорно крутили в воздухе голограмму 2:48. У меня совсем не осталось времени. Надо спешить в космотелепорт.

Чемодан караулил у моих дверей всегда – агент АУЧС всегда должен быть готов к дальнему путешествию. После очередной командировки я отдавал грязные вещи домохозяйке, она быстро стирала их и через день сама загружала в сумку. Иногда казалось, что домохозяйка и четыре уборщицы стали мне почти друзьями, почти родственницами. Я дарил им духи, косметику и дорогую бижутерию на праздники и дни рождения, придирчиво выбирал открытки с россыпью брошек, кошечками и сердечками. Зачем? Наверное, ощущал потребность заботиться о ком-то. Хотя бы так, но заботиться.

Затертым до дыр ритуалом проверив удостоверение и платежные карточки, я выскочил из квартиры и на ходу вызвал такси. Когда вышел из подъезда, машина уже зависла неподалеку, и пестрые газонные цветы поклонились ветру из-под капота.

И снова, прямо как возле офиса АУЧС, показалось – мимо пронеслось нечто. Очень быстрое, почти незаметное. Сердце екнуло, кольнуло, будто ледяная струйка затекла в желудок. И снова, в точности как тогда, я внимательно оглядел окрестности и ничего подозрительного не заметил. Может, просто не выспался? Я часто встаю до семи утра, но вот в такую рань – почти никогда.

Здание космотелепорта напоминало то ли мечеть, то ли старинный замок.

Круглое пятиэтажное среди цилиндров небоскребов казалось пухлым холмом среди стройных утесов. На сизо-голубых стенах и куполах поблескивали на солнце тонкие золотистые узоры в восточном стиле.

Такси резко сбросило высоту и вонзилось в одну из десятков арок – они предварили входы в космотелепорт. Три белесые пластиковые двери пропустили нас внутрь поочередно. Круглые ряды кресел для пассажиров остались позади в мгновение ока.

Затормозили мы ближе к центру зала, дав лихой вираж около виртуальной цифры двадцать – она вращалась в воздухе, словно по волшебству. Чуть повыше повторяло ее движения время рейса.

Мне сразу бросилась в глаза фигурка Плазмы. Она стояла почти под номером пути, облокотившись о прямоугольную ручку темно-синего чемодана с выключенной воздушной подушкой.

Собранные в высокий пучок волосы в свете желтых ламп на потолке отливали янтарем. Ярко-синяя блузка с умеренным вырезом и узкие изумрудные брюки подчеркивали цвет прядей. Четкий, но мягкий профиль Лели так притягивал

взгляд, что я не заметил Элдара Масгатовича. В традиционной белой рубашке и черных брюках, отглаженных до невозможности, он казался совершенно неуместным среди по-дорожному удобно одетых путешественников. Даже странно, что я упустил шефа из виду! Он возвышался в нескольких шагах от Лели в такой знакомой закрытой позе превосходства над всем и вся – руки сложены на груди, ноги широко расставлены, подбородок вздернут.

Я зацепил Элдара Масгатовича краем глаза, ощущая, как от вида Лели в животе разливается странное тепло и словно бы щекочет изнутри, улыбка сама напросилась на губы. А когда она резко повернулась, словно ощутила мой взгляд, жар бросился в лицо, ладони снова вспотели.

– Вы куда-то еще? Вайлис?

Только теперь я сообразил, что шофер уже не одну минуту пытается привлечь внимание рассеянного пассажира.

– А? – обернулся я.

– Вы куда-то еще поедете или мы прибыли? – с явным облегчением повторил вопрос шофер.

– Нет, приехали. – Сейчас улыбка казалась гораздо уместней, но губы упорно и не желали ее изображать.

Шофер бросил меткий взгляд через мое плечо, на Лелю – она стояла в нескольких метрах от нас, – и выдал: – Красотка. Что правда, то правда.

Я сунул парню карточку и, не глядя на жадную до денег машинку, заранее положил палец на серебристый квадрат

наверху.

Что-то не понравилось мне в тоне, в словах шофера, но никак не удавалось смекнуть, что же именно. В груди кипело непонятное возмущение, на языке вертелись неуместные грубости.

Леля отвернулась и посмотрела вправо.

– Вайлис? – позвал шофер и ткнул мне в руку карточку. – Двести условок. Вы выходите?

Все еще в странном оцепенении я забрал свой «пластиковый мешок с золотом», отмахнулся от чека и вылез наружу.

Теперь стало ясно, что привлекло внимание Лели, да и Элдара Масгатовича тоже.

Воздух невдалеке от них заколебался, и казалось, настоящее серебристое зеркало появилось в еще минуту назад совершенно пустом центре зала. Упираясь в пол и потолок, оно легко пропустило бы сквозь себя шеренгу в сотню человек. Когда входы в кротовые норы только появились, мы, путешественники, тыкали в них пальцами, обходили вокруг, чтобы убедиться – за зеркалом» нет ничего. Ничего не видно, словно входа вообще не существует. Помню, как дети носились вокруг и смеялись, как подначивали друг друга: ну суть туда руку, сунь, и ее откусят. Как же это было давно! Теперь входы в кротовые норы воспринимались пассажирами в зале ожидания так же, как поезда в давние времена. Обыденно. Дети даже не оборачивались, не отводили взгляд от трехмерных компьютерных игр.

Из зеркала высунулась металлическая лестница транспортного средства и с недовольным цоканьем уперлась в пол. Из нее быстро выскочили перила, и лестница превратилась в нечто вроде самолетного трапа времен моей далекой юности. Только ветер из лопастей не швырял в лицо волосы, и бортпроводницы в оранжевых костюмах не следили за посадкой.

Шофер со стуком поставил рядом со мной чемодан. Я машинально схватился за ручку и встретил недовольный взгляд Элдара Масгатовича.

– Вайлис? Ты чего? Не проснулся, что ли?

Леля метнула в меня испытующий взгляд и официально поприветствовала:

– Доброе утро, Вайлис.

Она слишком быстро отвернулась, словно торопилась прервать зрительный контакт, и сердце почему-то снова болезненно екнуло.

– Да проснись же, чертов полукровка! – окатил меня презрением, как холодным душем, Элдар Масгатович.

Я вдруг жутко захотел уложить его на обе лопатки, прямо на пол, обездвигить болевым приемом на глазах у Лели. Странные вещи творились со мной с момента нашей встречи. Я привык пропускать оскорбительные, вздорные пассажи шефа мимо ушей, снисходительно позволяя ему развлекаться за свой счет. Пусть насладится, если больше нечем себя потешить. Но сейчас раздражение закипело внутри, даже скулы свело, ноздри помимо воли начали раздуваться. Едва

сдержав злые слова, уже готовые сорваться с языка, кивнул Элдару Масгатовичу, предлагая продолжать.

– Ваша задача, дорогие мои, – неожиданно тихо и как-то даже задушевно произнес он, – расследовать все осторожно, деликатно. Для столкновений и выяснения отношений там есть боевики. А вы обязаны сохранять нейтралитет. Общаться одинаково уважительно с руководством обеих колоний. Обеих, понятно? – Он обвел нас с Лелей взглядом родителя, что втолковывает несмышленому ребенку, как себя вести в школе. Я кивнул, она тоже.

– Правительства нашли компромисс. И от того, сможете ли вы примирить стороны на месте, зависит его судьба. Вы понимаете?

О да, я начал понимать. Все внутри закипало, тело напряглось в порыве врезать Элдару Масгатовичу по довольной физиономии. К чему убивать гонца? Чем это поможет?

Впервые агентам по тарелочкам вменялось не разобраться в преступлениях, не вывести негодяев на чистую воду. От нас требовалось найти тех, кто ответит за все, и помирить стороны, сдав его на милость властей. Возможно, для такого, как я, найти ответчика и раскрыть убийства – одно и то же. Но не для Элдара Масгатовича и не для планетарных господ президентов.

Они жаждали найти козла отпущения, того, на кого обе колонии без зазрения совести и капли жалости свалят все свои беды. Чтобы потом вместе облегченно вздохнуть, убеж-

дая себя, что виновника несчастий заслуженно и сурово покарала.

Мне было противно даже думать о таком исходе командировки. Леля нервно дернула плечом и поджала губы – видимо, ей тоже не понравилась истинная цель поездки. От этого простого, малозначительного наблюдения в животе очень некстати разлилось тепло. Я сглотнул, сам не пойму зачем.

– Итак? Всем все понятно? – Элдар Масгатович по привычке еще раз осчастливил нас пытливым взглядом.

Леля кивнула вновь, я повторил ее жест, и впервые шеф удовлетворился таким ответом.

– Удачи, – сказал с какой-то особой интонацией, кажется, с надеждой.

Леля схватилась руками за трап, быстро пробежала по лестнице и исчезла в зеркале. Ее чемодан залетел туда следом. Я поторопился за спутницей, но, когда очутился в коридоре корабля, ее там уже не было. Шустрая она, Леля. Но и я не лыком шит.

И вместо того чтобы готовиться к миссии, разбирать вещи, я направился к главному бортовому компьютеру. Казалось, все коридоры, потолки и каюты корабля отделаны зеленым бархатом. На самом деле на ощупь материал походил на ковер с тонким, мягким ворсом.

Внутри витал настойчивый дух уборки – едкие запахи дезинфекторов легко перебивали ароматизаторы и сводили все их усилия к нулю.

Каюта управления, куда я держал путь, располагалась, как обычно, ближе к носу транспортника, по форме похожего на бескрылый самолет. Корабль явно был большим – в коридорах легко разминулись бы с десяток человек, а каюты ничем не уступали комнатам моей квартиры. Я закинул в одну из них чемодан, запомнив номер – двести пятьдесят два.

Каюта управления напоминала планетарий. По потолку и стенам плыли изображения звезд и планет, мимо которых нам предстояло лететь. Когда корабль начинал свой путь, пассажиры видели тут и в окнах кают все, что осталось снаружи кротовой норы. А в недолгие минуты, когда транспортник выныривал в открытый космос, зрелище становилось особенно ярким и четким.

Помню, впервые очутившись в каюте управления, я оробел, ощущая себя ребенком на праздничной ярмарке. Не хотел сводить глаз с космических тел – таких реальных, таких близких. Казалось, протяни руку – и сорвешь с потолка метеорит, как яблоко с дерева, или запустишь ладонь в кратер неведомой планеты, как в дупло.

Но после энной командировки планеты, звезды и астероидные поля больше не вызывали детского восторга, воспринимались чем-то обычным, как облака на небе.

Понятие «бортовой компьютер» давно не имело ничего общего с конкретной машиной, монитором, системным блоком. Он был везде и нигде, встраивался в каждую каюту и каждый коридор. Но отсюда пассажир с нужным уровнем до-

стуга получал возможность общаться с бортовым компьютером, корректировать действия автопилота и даже менять заданный курс.

Я вступил в розовый круг поблизости от стены и с минуту ожидал ответа. С потолка спустился виртуальный экран, и пролился механический голос.

– Вайлис Рамс, уровень доступа восемьдесят из возможных ста. Слушаю ваши указания.

– Я хочу знать, в какой каюте разместилась агент Лелейна Милава. – Я интуитивно старался говорить как можно менее эмоционально.

– Каюта номер сто пятьдесят один, – поделился информацией компьютер. – Вам нужно пройти вперед от своей каюты. Коридор пересекут еще четыре коридора. В пятом находится искомая вами каюта. Еще вопросы? Пожелания? Распоряжения?

– В возможности транспортника входит перемещение вещей пассажиров из одной каюты в другую?

– Да. Если вы поместите чемодан в голубой круг у входа в каюту.

– Именно там я его и оставил, – я нарочно водрузил багаж на это место – слышал, что в новых моделях кораблей есть механизм телепортации для пассажирских вещей.

– Куда вы хотите переместить чемодан?

– В каюту номер сто пятьдесят.

– Чемодан доставлен.

– Благодарю. Других пожеланий нет.

Экран и клавиатура передо мной исчезли. Я вышел и отправился на поиски каюты Лели.

Пол дернулся из-под ног и снова замер – транспортник начал свой путь. Зачем я преследовал Лелю? К чему занимать ближайшую к ней каюту, если на корабле их не меньше тысячи? Я не знал ответа. Меня тянуло туда, и все тут.

Как я ей объясню? Да легко! Должны же мы выработать общую стратегию, придумать, что предпримем на месте.

Глава 6. В которой героям придется поговорить, но многое останется невысказанным

К своему стыду, я так и не придумала толкового объяснения для Вайлиса и просто сбежала от него в космотелепорте.

Смех, да и только! Глупое ребячество, недостойное индиго с плазмой в крови. Но я действовала на каких-то инстинктах, почти не думая, что творю и зачем. Страх бешеным стуком сердца отдавался в ушах, гнал меня, гнал, не давая вздохнуть, подумать.

Захлопнув спасительную дверь каюты, я плюхнулась на кровать, пытаюсь отдышаться и одновременно озираясь во круг. Летать на транспортниках последней модели мне пока не доводилось. Да еще на таких махинах – самый большой корабль, на котором я путешествовала, втрое уступал нашему в размерах.

В каюте можно было устраивать приемы человек на пятьдесят, а то и больше. На пластиковой кровати уместились бы трое пассажиров, в металлическом платяном гардеробе – четверо. Эх! Какой простор для нелегальных мигрантов! Сколько народу можно было бы выручить, спасти!

Однажды я тайно уже провозила парня, несправедливо осужденного за убийство. Друг-индиго устроил ему побег из

тюрьмы, а я помогла выбраться за пределы Солнечной системы. Пришлось отдать нелегальному соседу подушку и матрас, а самой спать на жестком пластиковом ложе. Я решила не рисковать и «дополнительную постель» у биоботов obsługi не брать. Мало ли что придет им в голову? Поделиться одеялом было выше моих сил. Без него при стандартных «корабельных» двадцати двух градусах за ночь я бы просто оченела. Теперь парень живет себе в колонии под новым именем, воспитывает двух дочерей и водит туристов по местным горам. А настоящего преступника нашли спустя несколько лет и наказали по всей строгости закона.

Из главной комнаты три двери вели на кухню, в ванную и в кабинет.

Я приподнялась с кровати, намереваясь исследовать их, но в дверь постучали.

Вайлис? А кто же еще? На корабле только я, он и биоботы. Они-то уж точно не заглянут на огонек. Меня накрыло ощущение птицы в клетке. Казалось, я наглухо заперта и мечусь из угла в угол, бьюсь о решетки. А кот подходит вплотную, гипнотизирует, ловко поддевает когтем крючок защелки. Незаметным движением отбрасывает дверцу и засовывает внутрь загребущую лапу.

Стук в дверь усилился. Я задохнулась от волнения, сердце загрохотало в ушах, от страха похолодело в желудке. Я боялась Вайлиса – его вопросов, его воспоминаний и собственной на них реакции. Я не могу себя выдать! Не могу выдать

индиго с огнем в крови! Это не мой секрет. Он принадлежит нам всем. И если дам слабинку, если расколуюсь, пострадают ни в чем не повинные сородичи. Пострадают из-за моей оплошности. Хотя я так и не поняла, в чем же она заключалась.

Годами мы удачно скрывали свои возможности – и на тебе!

Ну почему же он меня помнит?

Весь прошлый опыт индиго говорил о том, что это невозможно. Даже тех, кто намного старше меня, оживил не тысячи существ, десятки тысяч! Ни один воскрешенный не узнал спасителя при встрече. Даже лицом к лицу! Даже в дружеской беседе.

В чем же я-то прокололась?

Слишком рано начала оживлять? Слишком много вложила эмоций? Слишком глубоко погрузилась в чтение прошлого и характера Вайлиса?

А может, все дело в мельранских генах? Хотя какая теперь разница? Надо выпутываться, спасти себя и тех, кто мне доверяет. Особенно их. Как бы мало мы ни общались, как бы мало ни соприкасались, я чувствовала ответственность за судьбы сородичей.

Несколько вдохов-выдохов слегка уняли тревогу. В конце концов, я не смогу избегать Вайлиса вечно. Нам придется работать вместе, сообща. Деваться некуда – нужно обсудить стратегию, договориться. Да и скрытность порождает

куда больше подозрений, вопросов, чем напускная откровенность, видимая общительность.

– Леля? Я могу войти? – осторожно поинтересовался Вайлис.

Мне все больше нравился его голос – низкий, бархатистый и одновременно очень чистый. От него по телу пробегали странная, теплая волна и легкая дрожь.

– Д-да, – промямлила я и пересела в кресло. Короткая спинка, узкие подлокотники, мягкая, но шершавая тканная обивка заставили помимо воли собраться, придали толику уверенности.

Вайлис стремительно вошел и застыл напротив, не сводя с меня цепкого взгляда. Снова эти агентские штучки! Я вдруг поймала себя на том, как же неприятно, когда на тебя намеренно воздействуют, провоцируют на желанную реакцию. А ведь сама сплошь и рядом использовала такие методы в расследованиях.

В черных брюках и темно-серой рубашке Вайлис выглядел румяным и свежим – спасибо мельранским генам. Его белокурый хвост явно собирался наспех – два петуха торчали в стороны, одна прядь бесхозно висела справа. Небрежность прически не придавала внешности Вайлиса неряшливости, скорее, шарм настоящего мужчины, чуждого наносному лоску.

Три больших лампы у потолка обливали его брутальную фигуру ярким светом. Но даже он не делал глаза Вайлиса

голубыми. Они казались светло-синими, гораздо ярче, чем у обычного человека.

Сердце зачастило сильнее, хотя куда уж сильнее. Я попыталась принять непринужденную позу, изобразить невозмутимое лицо и как можно равнодушной произнесла:

– Вы не дадите мне даже разобрать вещи?

Вместо ответа Вайлис пересек комнату, взял себе кресло и, словно игрушечное, небрежным движением руки переставил его напротив моего. Казалось, на достаточном расстоянии. Но когда он сел и подался вперед, мне резко захотелось отодвинуться – между нашими лицами оставались считанные сантиметры. Чудилось, стоит слегка наклониться в ответ, и мы «поздороваемся» носами. Под внимательным, долгим взглядом Вайлиса жар бросился в лицо, руки и ноги похолодели. Ну сколько можно так пялиться? Не мигая, не произнося ни слова. Я стойко выдержала затяжную паузу в ожидании хотя бы слова от Вайлиса. Это ведь он пришел ко мне, вот пусть первый и говорит.

На долю секунды подумалось, что он, возможно, сбит с толку не меньше моего. Тоже ведь не подозревал о том, что увидит меня вновь. И уж конечно не думал, что нас сведет вместе важная галактическая миссия.

Как ни удивительно, эти мысли расслабили меня. Боль в икрах, спине и шее напомнила о недавно сведенных до предела мышцах – тело жаловалось на излишнюю нервозность хозяйки.

Пауза затягивалась. И как Вайлису удастся так долго смотреть в упор, не моргая?

Внезапно он странно улыбнулся – немного криво и не слишком весело. Рывком откинулся на спинку кресла и ошарашил так, как матерые агенты сбивают с толку свидетеля:

– Я помню тебя. Помню, как ты приходила ко мне в больницу. Это ведь была ты! Я тебя узнал.

Дыхание перехватило, словно горло стянула петля. Я едва слышала собственный голос – грохот сердца в ушах заглушал его напрочь.

– В-в-в... какую больницу? – с трудом выдавила из себя.

– В ту, где я умирал, – добил он, не сводя с меня взгляда, изучая, как ученый подопытную крысу.

Странно, но от его напора у меня открылось второе дыхание. Удушливое волнение схлынуло, сердце слегка успокоилось, дыхание выровнялось, а следом окреп и голос.

– Вайлис, я понятия не имею, о чем вы, – заявила и как можно небрежней откинулась на спинку кресла, положив ногу на ногу. Поза очень выручила. Я снова почувствовала себя полноправной владелицей собственной каюты. Не пленницей Вайлиса и его вопросов, а хозяйкой положения.

– Ну как же, – с нажимом продолжил спутник и слегка придвинулся вместе с креслом. Его теплое дыхание коснулось кончика носа. – Меня отключили от аппарата, а потом явилась ты. Я почти умер, а ты...

– Вайлис, – внезапное озарение принесло огромное облег-

чение. Я принялась врать настолько вдохновенно, как никогда не удавалось. – Ты же полумельранец, верно?

Он охотно кивнул. К полукровкам в Союзе относились по-разному. Кто-то считал их едва ли не панацеей от вырождения людей, высшими существами, кто-то – грязью под ногами. Но Вайлис явно гордился своим происхождением. Я же привыкла не обращать внимания на расу тех, с кем столкнула жизнь. За долгую работу агентом убеждалась не раз – среди чистокровных землян, инопланетников, помесей лжецы, преступники и подлецы рождались в одинаковом количестве. Да и стоит ли акцентироваться на происхождении собеседника той, чей вид так до конца и не определили? Индиго все еще активно исследовали. Ученые не решались отнести нас ни к разряду новых людей, ни к разряду потомков полукровок.

– Ты чем-то похож на нас, индиго, – продолжила я. – Значит, и способности какие-то имеешь.

– Возможно, – опрометчиво согласился он, пожимая он плечами.

Ну все, рыбка заглотила наживку, главное, вовремя подсечь.

– Тогда ты должен знать, что всех нас окружает информационное поле. Оно почти осязаемо. Это силовое поле вроде даже физики уже признали. Рассчитали и засекали. Так?

Он снова кивнул и подозрительно нахмурился, будто почувал подвох. Поздновато спохватился – дело почти сделано.

– Во время смерти ты вполне мог предвидеть нашу встречу, – победоносно выпалила я. – Твоя аура частично отделилась от тела, попала в информационное поле. И взаимодействовала с ним так, как ауры индиго. Ну как ауры тех индиго, что видят будущее. Или считывают информацию из поля.

Вайлис застыл, продолжая буравить меня немигающим взглядом – внимательным, дотошным.

– Да нет! – вдруг возразил слишком горячо, слишком резко. Его руки взметнулись в воздух и упали назад, на колени. Ничего себе «всплеснул руками»! – Я видел тебя!

– Конечно, ты меня видел! – воскликнула я, подстраиваясь под его тон. – В информационном поле. А умирающий мозг объяснил это по-своему. Может, уже к расследованию приступим? – не дала ему опомниться, переварить услышанное. – Позволь, чуток переведу дух и пойдем в ту самую чудоконнату. Посмотрим записи, изучим задание досконально. Что скажешь?

Я намеренно перешла на ты, на доверительный тон – так людям легче поверить, проще отмести сомнения. Вайлис немного помедлил, мотнул головой и сдался:

– Ладно. Может, ты и права. Буду ждать через час. Хватит тебе времени на свои дела?

– Конечно.

Я постаралась говорить как можно энергичней, хотя внутренне еще дрожала. Он как-то слишком быстро пошел на попятную, отказался от выяснений. Что-то подсказывало –

это не последний наш разговор о больнице. Не мог такой опытный, умный агент поменять мнение в мгновение ока, без доказательств, не проверив мои слова. Но уже и эта маленькая победа вдохновляла как ничто другое в последние дни. Вайлис поднялся, выпрямился во весь свой немалый рост, немного постоял, изучая меня с головы до ног. Волнение окатило ледяной волной, жутко захотелось завернуться во что-нибудь вроде пледа или одеяла, скрыться от пытливых глаз спутника. Но я поборола это ощущение, расправила плечи и как можно спокойней поинтересовалась:

– Что-то еще?

– А? – Вайлис встrepенулcя, расплылся в улыбке – непривычно хитровой, лукавой, кивнул, словно приветствовал, и вышел из комнаты.

Я ненадолго сдержала облегченный вздох – вдруг он еще за дверью. Кто знает, какой слух у полумельранцев? Каждый такой полукровка уникален, как и индиго, не зря я сравнила наши расы. У каждого может открыться необычная способность или даже несколько. И, что самое интересное, открыться в любой момент жизни. В сто лет, в двести и даже под тысячу.

Услышав слабый щелчок соседней двери, я расслабилась, и воздух с шумом вырвался из груди. Слава богу! Первый раунд выигран!

Я прикрыла глаза и свободно откинулась на спинку кресла, стараясь привести себя в чувство.

Несколько минут сердце упорно частило, воздух распирал грудь, не желая выходить наружу, а тепло собиралось внизу живота. Прямо как тогда, в палате, когда увидела, насколько Вайлис хочет меня. С облегчением поняла – теперь он спасен.

Я тряхнула головой, из последних сил уводя мысли в другое русло. Не знаю, как Вайлис, а я так и не удосужилась выяснить где находится та самая светозвуконепроницаемая чудо-комната.

Мысли о цели командировки охладили сразу же.

Задание не понравилось мне еще вчера днем, в кабинете Элдара Масгатовича. Накануне вечером я поближе познакомилась с колониальным беспределом, а сегодня утром начальник агентства по тарелочкам разразился недвусмысленным напутствием. Теперь стало ясно – нас практически подставили. Никакого «честного расследования» никто и не ожидал. Мы играли роль свадебных генералов и играли весьма неплохо. Агенты, на чьем счету масса раскрытых дел, немало сенсационных разоблачений, просто обязаны справиться с возложенной миссией. Так должны были думать простые люди – те, кто ужасался новостям в галанете, сочувствовал поселенцам. А главное, те, кто лично заинтересован в правосудии – родственники, друзья, компании, что возла-

гали на колонию большие надежды.

Правительствам Земли и Талькаирсы требовались козлы отпущения и хорошие улики против них. Причем требовались немедленно, еще вчера. Опытные агенты – свидетели происшествий в колониях – наверняка уже летят домой. Готова поспорить, нам не дадут даже пересечься, обменяться информацией, посоветоваться.

От этих мыслей внутри забурлило возмущение. Захотелось бить и крушить, но я привычно перевела все в мирное русло. До назначенной встречи с Вайлисом успела разложить вещи по двум металлическим стенным шкафам, проверить постельное белье и провести ревизию на небольшой кухне. В транспортниках такого класса еда доставлялась в «хранилище» – нечто вроде большого металлического ящика на стене. Если пассажир хотел оставить немного «на потом», программировал «хранилище» не отправлять недоеденное в утиль. Можно было поддерживать продукты горячими, теплыми, охлаждать или замораживать. Чай, кофе, травяные напитки наливали из нескольких кранов у противоположной к столу стены. Три стула и три кресла дополняли скудную меблировку кухни. Больше там ничего и не требовалось. Если пассажирам не нравилось меню, они отправляли заказы через все то же хранилище.

Странные полужеркальные окна спальни и кухни предназначались для создания уюта. Но я так и не сумела привыкнуть к их блеску и космическим пейзажам на зеркальной по-

верхности. Все эти ноу-хау почему-то заставляли ощущать себя безнадежно старой, пожалуй, даже устаревшей. Словно мое время давно ушло. Время, когда поезда соединяли континенты под ритмичный стук колес и мелькание зелени за окнами. Время, когда на плоском экране часов без устали кружили стрелки и минуты капали под мерное тиканье шестеренок. Время, когда все заявления, ругаясь и плюясь, служащие писали на бумаге и носились по десяткам кабинетов за собственноручными подписями боссов.

Все это заменил галанет, виртуальные документы и слепки ДНК, показывая гражданам жизнь через серые окна мониторов. Теперь люди чаще общались комментариями и смайликами и все реже болтали с подружками в маленьких, уютных кафе, наполненных запахами домашней еды и кофе.

Большой стакан мятного чая успокоил меня окончательно. Я метнула взгляд на трехмерные цифры электронных часов – они вращались в центре комнаты в нескольких метрах от высокого потолка и всегда оставались «лицом» к пассажиру.

Шесть тридцать утра. Вайлис наверняка уже ждет за дверью. Из его ауры я узнала, что спутник на редкость пунктуален и точен.

Мысли о Вайлисе снова заставили сердце припустить, а воздух загустеть в груди. Я налила себе еще полстакана теплого мятного чая и направилась к выходу.

Вайлис и правда ждал в коридоре. Его аура так фонила эмоциями, что я оторопело затормозила, отдернув ладонь от дверной ручки, словно та раскалилась добела. Индиго отлично читают ощущения и чувства по энергетике людей. С инопланетниками и полукровками дело обстоит намного сложнее. Я впервые пожалела, что совсем не разбираюсь в ауре мельранцев – Вайлис унаследовал ее почти целиком. Человеческая словно бы повторяла контуры тела, утолщаясь у головы и немного истончаясь у пальцев. Аура Вайлиса походила на призрачную птицу. За спиной его вздрагивали четыре огромных крыла, похожих на лебединые. Будь у Вайлиса на голове еще и что-то вроде энергетической короны, ни один индиго по биополю не узнал бы в нем полукровку. Почему-то вдруг стало до ужаса приятно осознавать, что и моя собственная аура тоже крылатая. Вот только энергетические крылья индиго больше похожи на бабочкины.

Стоя у двери в каком-то полуступоре, оглушенная эмоциями Вайлиса, я вдруг поймала себя на мысли, что он впервые проявляет такие сильные чувства. В кабинете Элдара Масгатовича я едва различала несколько тоненьких энергетических ручейков. А сейчас чудилось, в биополе врезаются мощные струи. Превратись они в водяные, уже смели бы с ног, унесли от двери.

Самой яркой, цветной эмоциональной струей была темно-розовая. Отблеск такого же оттенка я видела и в кабинете, и в палате. Но сейчас от Вайлиса во все стороны струились густые розовые протуберанцы. Судя по тому, что они развевались флагами, дрожали и слегка меняли оттенок, эмоция была незрелой, сильной, порывистой. К ней примешивались и другие: фиолетовая, лимонная, лиловая. Фиолетовая улавливалась и в офисе агентства по тарелочкам. Но остальные появились впервые.

Но все же самым поразительным в ауре Вайлиса оказалась не эмоциональная радуга. Вокруг его биополя вились едва заметные языки пламени, словно оно полыхало. Вот это да-а-а! Почему они все еще там? Что за чертовщина, в самом деле?

Такой эффект неизменно давало оживление моим огнем, но обычно он проходил за часы, изредка за сутки. Но чтобы энергия плазмы бурлила в ауре существа так долго! Да еще в почти неизменном виде... О таком я даже не слышала. Надо бы спрашивать сородичей. Вдруг кто-то что-нибудь да подскажет...

Черт! Вот я растяпа! Надо было читать Вайлиса, когда он ввалился с допросом! Но у меня душа ушла в пятки, а страх разоблачения настолько затмил разум, что про астральное зрение и думать забыла. А зря! Хотя бы набрала какую-то статистику. Эх! Будь что будет.

Я дернула ручку двери, распахнула ее и выскочила нару-

жу, с трудом затормозив в миллиметрах от Вайлиса.

Считанные секунды мы стояли так близко, что его горячее дыхание щекотало лоб. Я опешила, а Вайлис словно бы растерялся. Смотрел на меня сверху вниз своими темно-голубыми глазами, молчал и не двигался с места. Красиво очерченные губы пару раз дрогнули – то ли он хотел улыбнуться, то ли что-то сказать. Я почти залюбовалась спутником. В его резковатых чертах мужественность сочеталась с утонченной красотой, присущей только мельранцам.

Очень некстати сердце пропустило удар, тепло наполнило живот, и у лобка собрался горячий спазм. Вайлис дернулся – слабо и непривычно неловко. Даже в больнице после месячного паралича он двигался словно большой кот – в каждом жесте сквозили сила и гибкость. Сейчас же казалось передо мной не кот, а медведь. Вайлис косолапо переставил ноги, несуразно повел плечами, словно вдруг почувствовал себя жутко неуютно в собственном теле.

Ослепительная вспышка густо-розового в его ауре начала разрастаться, захватывая и меня тоже. Слава богу, я ежедневно обновляла щит от чужой энергетики, иначе уже очутилась бы в плену эмоций Вайлиса. Очень сильных, хотя и неведомых.

Щеки спутника резко окрасил румянец – на фоне загорелой кожи смотрелось очень мужественно, красиво. Вайлис растянул губы в нервной улыбке и слегка наклонился. Увы! Расстояние между нами было таким ничтожным, что теперь

его лицо почти соприкоснулось с моим. Щеки Вайлиса налились кровью, а следом за ними и губы. Я почти не обратила на них внимания при первой встрече, там, в больнице. Губы как губы – по-мужски грубовато выточенные, немного иссохшие, бледные. Но теперь они казались невероятно чувственными, яркими, манящими.

Я утонула в эмоциях, в ощущениях, не в силах прервать зрительный контакт с Вайлисом, не в силах обронить ни слова, предпринять ни шага. Духу не хватало оборвать наш молчаливый диалог, но и высказать то, что чувствовала, было страшно до жути.

Я хотела отгородиться от Вайлиса, установить дистанцию. Тряхнула головой, сбрасывая наваждение, усиленно отключая внимание от горячего спазма внизу живота, от посасывания. Из последних сил гася желание прижаться к крепкой мужской груди, испытать близость хоть с кем-то, пусть даже в краткий миг любовной утечи избавиться от душевного сиротства. Подменить душевную близость близостью с мужчиной.

Но тут Вайлис придвинулся, коснулся ладонями талии и почти обнял. Я суматошно отскочила, разрывая кольцо его рук, и это отрезвило нас обоих.

Он словно очнулся, осмотрел меня с головы до ног – внимательно, изучающе. И вдруг резко поймал взгляд. Почудилось, мир покачнулся, а ноги предательски ослабели. Захотелось провалиться сквозь землю. Ой! Я же на корабле! Зна-

чит, на нижнюю палубу, только бы избавиться от настырного внимания спутника.

Но Вайлис и не думал сводить с меня глаз. Густо-розовая дымка окутывала его, крылья начали расправляться. Упрямец снова шагнул навстречу, а я опять дернулась назад, на чистых инстинктах отступая к двери. И... врезалась бы в нее, если бы не спасительный безэмоциональный голос.

– Уважаемые агенты. Добро пожаловать на борт.

Мы с Вайлисом почти синхронно обернулись к биоботу. За всю историю создания этих существ они меняли внешность сотни раз. Сначала походили на манекены непонятного пола и возраста с неподвижными лицами и губами. Они говорили, не раскрывая рта – голос лился откуда-то, даже не сказала бы, что из головы. Они пугали меня, напоминая древние ужастики с ожившими куклами-убийцами, времен далекой молодости.

Потом одни биоботы стали подчеркнуто женственными, другие подчеркнуто мужественными, словно создатели резко пересмотрели порно. Инженеры наделили их способностью нормально говорить, улыбаться, хмуриться. Появились сотни вариаций разного роста, комплекции и даже возраста. От юных худышек вроде подиумных моделей до пышных дам «тридцать плюс». От громил с горами мышц до худощавых ребят. Изредка попадались даже детские версии.

Наверное, немногие, как и я, начали задумываться – как относиться к этим технолюдям, как воспринимать их? Как

равных себе или как машины? Я решила для себя, что второе проще. Постоянно вспоминала «Терминатора» и бездушных машин с человеческими телами – они убивали создателей по приказу программы, захватившей мир. И все равно, встречая биоботов обслуги, я, городская сумасшедшая, приветствовала их просто так, как нечаянных соседей. Давала чаевые неживым официантам под перекрестным огнем пораженных взглядов других посетителей. А что? Биоботы покупали себе одежду, украшения. Так почему не порадовать их маленькой премией так, как радовали официантов-гуманоидов все, кому не лень?

В последние годы вошли в моду биоботы-унисекс. Я почти не отличала мужские модели от женских. С высокими, звонкими голосами, длинными волосами, смазливymi лицами, они одинаково хорошо смотрелись в одежде для обоих полов.

Они почему-то напоминали мне этих мальчиков-трансвеститов из восточных городов Азии. Я толерантно относилась к ним в далекие времена. А сейчас и подавно, но от ассоциации никак не удавалось избавиться.

Биобот с иссиня-черной шевелюрой, собранной в высокий хвост, большими, раскосыми глазами цвета горького шоколада происходил явно из «андрогинной» серии. Но на его голубой жилетке, надетой поверх белоснежной туники, висел бейджик с именем Миетта.

Такой же был пришит к карману черных шаровар.

Миетта расплылась в улыбке, захлопала длинными ресницами и подошла поближе.

Глава 7. В которой герои наконец-то приступят к обязанностям

У меня были свои планы на нынешнюю командировку. Если точнее, два плана – один агентский, другой мужской.

Я собирался раскрутить запутанное дело, отыскать истинных виновников и отдать их под суд. А еще... еще я собирался разобраться в наших отношениях с Лелей.

Она так разволновалась от вопроса про больницу, начала плести такой откровенный бред, что я немного опешил. Почему Леля не хотела признавать, что была со мной? Почему отреклась от нашей встречи, от нашей страсти?

Клубок сомнений путал меня, выводил из себя. Неужели ей было настолько неприятно? Я причинил боль? Я почти не владел собой, почти не соображал, что делаю. Действовал на каких-то дремучих инстинктах. И не мог с уверенностью сказать, получила ли Леля хоть каплю удовольствия. Я так стремился овладеть ей, так резко и суматошно двигался...

И снова душу рвали странные, незнакомые эмоции и ощущения. В груди ныло, воздух тяжелой, вязкой массой застревал в легких, комком вставал в горле. Я ощущал такой дискомфорт, словно вот прямо сейчас терял что-то невероятно важное. Так чувствовал себя после аварии, слушая, как врачи обсуждают, смогу ли ходить. Тогда они еще надеялись

вылечить переломанного полукровка, строили планы реабилитации. Оптимизм эскулапов резко угас, когда пришли результаты сканирования.

Прежде я плюнул бы на все, перевел наши отношения с Лелей в чисто профессиональную плоскость. Но что-то не позволяло этого сделать. Что-то настолько мощное, неуправляемое, что моя хваленая сила воли летела к чертям. Капитулировала – полностью и безоговорочно.

Очень хотел бы оставить все как есть. К чему унижаться, к чему пытаться узнать то, что Леля не желает рассказывать? Но эмоции упорно толкали на другое.

Я не поверил в теорию Лели про информационное поле ни на секунду. Конечно же, я слышал все то, о чем она толковала. Но чем больше уверяла Леля, что наша страсть – плод воспаленной фантазии смертника, тем сильнее я убеждался в обратном. Любой нормальный агент чует ложь за версту. Тем более такую неумелую, явно сляпанную наспех, на ходу.

И все-таки я решил временно отступить. Становилось очевидным – Леля умрет, но не сознается. К чему же настаивать? Для начала попробую втереться в доверие. Понять, почему Леля скрывает, зачем все отрицает. Допустим, еле живой полукровка показался ей ужасным любовником и Плазма категорически не хочет даже встречаться со мной. Почему не сказать все в лицо? Я не мальчишка, не способный спокойно принять отказ. Я взрослый мужчина, прожил немало лет, испытал немало разочарований. Да, сей-

час, неожиданно для себя самого дал слабину. Одна мысль о том, что Леля сочла отвратительным любовником, не желает никаких отношений – и внутри начинали бурлить непривычные эмоции. Было до жути неуютно, неприятно в собственном теле, в этой ситуации, где ничего от меня не зависело, ничего не удавалось изменить. На грудь словно легла каменная глыба, мешала дышать, сбивала пульс. Меня неудержимо тянуло к Леле. Именно к ней. Не к женщине, чтобы удовлетворить либидо полумельранца, а к Леле.

Впервые за многие столетия мне с огромным трудом удалось отказаться от претензий на женщину. Пусть даже временно. Все внутри протестовало против такого решения. Но я ушел и дал ей возможность успокоиться, прийти в более приятное расположение духа.

В какой-то непонятной горячке, метался по каюте, не зная, куда себя деть, как загасить энергию, что кипела внутри, на что ее растратить. Все валилось из рук, занять себя хоть чем-то никак не выходило. Я брался за чемоданы, но один вид пустых шкафов и вещей, которые предстояло разложить, охлаждал пыл. Я садился за мини-компьютер, чтобы выудить из галанета побольше о жертвах Коронованной равнины, но не успевали страницы загрузиться, интерес к ним как ножом отрезало. Я выключал мини-компьютер и вскакивал как ошпаренный. Наливал себе травяных настоек, чтобы попробовать, как их готовят на новеньком транспортнике. Но, едва начав дегустацию, погружался в свои мысли и

переставал ощущать вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.